

“КЛУБ КОСМИЧЕСКИХ ПАХАРЕЙ” ПРЕДСТАВЛЯЕТ

#ЖИЗНИГРА

СБОРНИК РАССКАЗОВ ВЫПУСКНИКОВ
CREATIVE WRITING SCHOOL
МАЙИ КУЧЕРСКОЙ.

18+

Марина Степнова

#ЖИЗНИГРА

«Издательские решения»

Степнова М.

#ЖИЗНИГРА / М. Степнова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980757-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.#Жизнигра — второй сборник «Клуба космических пахарей». Авторы — выпускники Creative Writing School. Тема — игра, во всех ее проявлениях, не важно — покер или шахматы, нарды или преферанс, с правилами или без, на деньги или на жизнь. Важно, что в фокусе — человек играющий, а иногда и проигрывающий. Каждый рассказ — погружение в свой мир, не отпускающий до последней строчки: ожившие статуи в московском метро, рыжий иерусалимский кот, обледенелая крыша старого склада, запах инжира, гудок парохода... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-980757-1

© Степнова М.
© Издательские решения

Содержание

Слово Марины Степновой	6
Андрей Рубанов: Высокая проба пера	7
Александр Дымов	9
Елена Мызовская	27
Ольга Барина	35
Юлия Комарова	40
Полина Пригожина	45
Андрей Гагарин	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

#ЖИЗНИГРА

*Человек находит время для всего,
чего действительно хочет.*

Ф. М. Достоевский

Предисловие Марина Степнова

Предисловие Андрей Рубанов

Редактор И. М. Харитонова

Составитель А. А. Евдокимов

Составитель А. Ю. Шулина

Составитель С. Г. Седов

Составитель А. В. Дымов

Составитель А. В. Занадворова

Художник С. Г. Седов

Дизайнер обложки С. Г. Седов

Идея названия В. Ванчугина

© С. Г. Седов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0757-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово Марины Степновой

Каждый человек имеет право писать. Точно так же, как имеет право быть свободным. И оба права даются ему от рождения. Именно поэтому я с особенным удовольствием представляю этот сборник выпускников CWS. Он весь про игру, весь про свободу. И даже неоднородность текстов – и стилистическая, и жанровая – только идёт всей книге на пользу. Потому что составили и написали эту книгу люди, которые осмелились не молчать. Осмелились признаться себе, что жить – значит, писать. Писать – значит, играть. Играть – значит, быть свободным.

Разве это не лучшая формула счастья?

Марина Степнова, писатель, редактор, сценарист, переводчик, лауреат третьей премии «Большая книга 2011—2012» (роман «Женищины Лазаря»). Книги Марины Степновой переведены на 26 языков. Автор сценариев «Однолюбы», «Степные дети», «Линия Марты» и других проектов для каналов «Первый» и «Россия 1».

Андрей Рубанов: Высокая проба пера

Большинство молодых людей, решивших связать свою жизнь с сочинительством, с литературой, начинают писать роман.

Почти каждый задумывает и храбро начинает толстую эпопею, а иногда и несколько.

Они идут на курсы литературного мастерства, на семинары, в литературные студии – там им говорят: роман делать вам рано, пишите рассказы.

Но начинающий писатель не дурак, он много раз слышал, что рассказ трудно опубликовать. А уж сборники рассказов могут себе позволить выпускать только известные, «раскрученные» авторы.

Другое дело – роман. Вот Джоан Роулинг рассказов не писала, а сразу сочинила «Гарри Поттера». И Маргарет Митчелл рассказов не писала, а сразу создала «Унесённых ветром», прославилась на весь мир одним-единственным произведением и более не написала ничего.

Это противоречие трудно снять: с одной стороны, действительно, у начинающего автора всегда есть шанс породить нечто грандиозное с первого подхода. И дебютировать шумно, сенсационно. Такие случаи широко известны.

С другой стороны, правы и преподаватели: учёба начинается с этюдов, с упражнений, с рассказов на страничку, на две. Это самый простой, понятный, известный и прямой путь к мастерству.

Так не только в литературе: и в музыке – надо сначала гаммы играть, и в живописи – надо сначала делать этюды.

Кроме того, умение делать рассказ в принципе обязательно для литератора – точно так же, как для архитектора обязательно знание математики и физики.

Само искусство литературы по-гречески называется «эпос», то есть рассказ.

В этой книге собраны рассказы молодых авторов. Называть их начинающими будет не очень правильно. Рассказы сделаны на приличном уровне. Везде видна работа со словом, самодисциплина, языковая культура.

Очевидно, что по текстам прошёлся и хороший редактор: а без редактора литературы не бывает.

Особенно отраднo, что все авторы без исключения вышли со своим материалом. Никто ничего не высосал из пальца, никто не поддался искушению «кабинетной», «пробирочной» прозы. Материал либо прожит, знаком автору изнутри, либо досконально изучен. Это важно. Для писателя самое страшное – наврать.

Читатель – вообще существо великодушное. Читатель простит автору и огрехи стиля, и плохой вкус, и плохие диалоги, и эпатаж, и цинизм. Но вот лжи – не прощает никогда. Тут уместно припомнить знаменитый афоризм Стругацких: «пиши либо о том, что хорошо знаешь, либо о том, чего не знает никто».

Поиск выигрышного, уникального, яркого материала – основная задача дебютанта. Оригинальный материал найти трудно: мировая литература уже обо всём рассказала. Сотни томов написаны про моряков, про врачей, про полицейских, и про любовь, и про смерть. Но искать всё равно надо. Зато, если материал найден и препарирован, осмыслен автором – такой материал сам поведёт автора за собой, сам подскажет сюжетные повороты, только успевай записывать.

Есть четыре условия для литературного успеха: во-первых, идеальное владение языком во всём его богатстве; во-вторых, сильный материал, правдиво изложенный; в третьих – терпение; наконец, в четвёртых – удача, везение.

Без толики везения не сделать большого дела.

Всем участникам этого интересного сборника желаю терпения и удачи, остальное уже либо обретено, либо обретается.

Андрей Рубанов, российский прозаик, киносценарист. Наибольшую известность получил как автор книг в жанре автобиографической прозы, или «нового реализма». Выпустил несколько романов в жанре биопанк. Финалист «АВС-премии» за романы «Хлорофилия» и «Живая земля», участник шорт-листа литературной премии «Большая книга», четырехкратный полуфиналист литературной премии «Национальный бестселлер», лауреат Нацбеста за 2019 год за роман «Финист – ясный сокол». В 2017 стал лауреатом премии «Ясная поляна» в номинации «Современная русская проза» за роман «Патриот».

Александр Дымов

Кандагар, тебе на «Р»

«Здесь ходят трамваи. Небо расчерчено нотным станом витых проводов. Между тактовых линий бетонных столбов замерзшие птицы. Они заняли строчку в верхней октаве единственной нотой. На всем протяжении – соль. Трамвай тянет альтовый ключ металлических ромбов и сыплет бенгальским огнем в оркестровую яму двора. Невидимый взмах. Дирижерские ветви. Ноты-птицы. Они вскинули штили и взвились над крышей больничного корпуса под литерой А. Этот аккорд каждый день в пять утра. Время года без листьев».

«Не похоже на прозу», – подумал Алексей, услышав звон склянок на процедурном столе.

– Вам надо писать, – сказала девочка в белом халате,

– Поэтому я и прошу вас пересадить мне бабочек на левое запястье.

– У вас там живого места нет, – ответил строгий детский голос. – Сегодня отменили первую пару, я могла бы записывать. До обхода еще два часа.

– Много чести...

На пологую вершину холма размером с футбольное поле вскарабкался военный грузовик и остановился недалеко от строительных вагончиков. Двери кабины одновременно распахнулись, из них выпрыгнули, словно бы вышли в открытый космос, две фигуры в военной форме. Коснувшись пыльной планеты, они кинулись в разные стороны, беспорядочно размахивая руками.

Петличные знаки танковых войск, прикрученные в уголках воротников выцветшей камуфляжной ткани, были единственным опознавательным знаком военнослужащих, и только по приталенной гимнастерке одного и по мешковатому балахону другого угадывалась нехитрая табель о рангах.

Младший по званию остановился, присел на корточки, превратившись в грудку камуфляжного тряпья, небрежно брошенного на землю. Он опасливо осмотрел бескрайнее небо над головой, убедился, что никто и ничто его не преследует и осторожно, не разгибаясь, направился к кабине, крича во всю глотку:

– Сейчас я его выгоню, товарищ сержант!

Полог брезентового тента откинулся и из кузова выглянул мужчина лет сорока, на нем брезентовая рыбацкая куртка и застиранная панама армейского образца.

– Что случилось? – крикнул мужчина из кузова, прикрываясь ладонью от солнца и тщетно закидывая сползающий тент обратно на крышу.

– Гусейнов, тварь черножопая, я убью его сегодня! – истошно заорал сержант, но, повернувшись к мужчине в кузове, стал шепотом докладывать:

– Извините, конечно, товарищ майор, но он меня уже достал. Представляете. Шмель залетел в кабину еще вчера. Я его спрашиваю: ты шмеля придавил? Он говорит: нет, товарищ сержант, но я видел, как шмель улетел. Ладно. Едем сегодня за вами, эта мохнатая тварь вылезает из решетки вентиляции и прямо на меня. Останавливаемся. Гусейнов опять полчаса гоняет шмеля, потом докладывает: товарищ сержант – все! Я спрашиваю: прихлопнул? Он говорит: нет, но я видел, как он улетел. Сволочь такая, а?!

– Сержант! Сюда иди! – грубо скомандовал мужчина.

Сержант спешно подскочил к кузову и виновато затараторил:

– Опять где-то жужжит, товарищ майор.

– Звание забудь, понял? – строго произнес мужчина.

– Так точно! – отрапортовал сержант, обрадованный простотой полученной команды.

Мужчина, раздраженный затянувшейся сценой и ярким туркестанским солнцем, опустил край тента и скрылся в глубине кузова со словами:

– Клуб юных энтомологов.

– Убью гада! – прокричал сержант и широким шагом устремился к кабине, не разгибаясь и озираясь по сторонам.

Из кабины донесся треск и шипение радиоэфира, сержант осторожно поднялся на ступеньку, выхватил рывком радиостанцию и отбежал на безопасное расстояние, настороженно оглядываясь. Послышался неразборчивый шепот позывного и громкий, еще более искаженный голос отзыва.

Мужчина в кузове прикинул глазом к одному из светящихся отверстий тента. Слева от строительных вагончиков видны длинные мачты антенн и огромный локатор на крыше обветшалого сарая песочного цвета, кое-где укрытого лохмотьями маскировочной сетки, выгоревшей на солнце и потрепанной ветрами.

– А почему майор? Почему не генерал? – сказал второй пассажир в кузове, молодой человек лет двадцати пяти, который все это время лежал на лавке в темном углу, держась одной рукой за борт. В его голосе угадывалась некоторая наигранность и даже развязность.

– Отставить паясничать, – прошипел сквозь зубы мужчина постарше. – Не знаю... Видимо Романов, когда договаривался, чтобы нас встретили, сказал что-то лишнее. Думаю, он не мог сказать много лишнего. Не более чем это самое «майор».

Услышав больше чем одно слово «отставить», молодой человек заметно оживился, в одно движение развернулся и сел верхом на лавке, скинув капюшон своего анорака.

– Ага, конечно, – улыбаясь, сказал молодой человек. – Когда говорят о вас, обычно начинают со слова «контора», а потом уже упоминают звание.

– Ты чего развеселился? – спросил старший, но тут же смахнул с лица строгость и продолжил: – Не согласен, как раз, наоборот, это произносится в уставном порядке: «майор такого-то отдела такого-то подразделения таких-то войск».

– А я говорю, что о вас шепчутся неторопливо, сначала говорят «товарищ из конторы», а потом уже говорят звание «майор». Словосочетание «товарищ из конторы» производит на слушателей внезапное и гипнотическое воздействие, а звание, тем более «майор», окончательно добивает и вводит аудиторию в состоянии легкого транса.

– Прекрати шуточки! – начал выходить из себя старший. – Лучше продолжай, пока стоим.

– Хорошо, для конспирации я буду обращаться к вам Семен Семеныч, – не сдавался молодой человек, но, почувствовав, что переигрывает, продолжил с того места, на котором недавно остановился: – Я совсем не понимаю женщин. Приезжаем в Ташкент. В почтовом ящике конверт трехмесячной давности – от моей бывшей, мы даже женаты не были. Я рву на мелкие кусочки письмо, переполненное ревностью. Ревностью к моему будущему. Лиля увидела на конверте надпись «От кого» и надулась на весь день, в глазах слезы. Слезы ревности к моему прошлому. Стою между двух ревностей и думаю: у мужчины не может быть алиби в прошлом и в будущем. Алиби может быть только в настоящем, и только тогда, когда он постоянно рядом. И все.

Молодой человек хотел продолжить в запальчивости, но старший его остановил, достал из рюкзака термос, отвинтил крышку термоса, плеснул в нее темной жидкости и протянул молодому человеку:

– Ревнуемый пьет до дна.

Молодой человек усмехнулся, взял металлическую полусферу, обрамленную черным пластмассовым кантом, и сделал короткий глоток.

Солнце еще высоко. Отверстия в тенте полыхают яркими лампочками.

– Выгружаемся, – скомандовал пока-еще-Семен-Семеныч, решительно откинув полог и отмахиваясь от поднятой пыли. – Сейчас я машину отпущу.

– А мы что, уже прибыли? – спросил молодой человек.

– Да, – ответил старший, разглядывая пейзаж за бортом, размытый солнечным светом, – тут пару километров вниз. Пешком будет быстрее.

– Есть, товарищ майор! – браво ответил молодой человек.

– Трофим! – грубо оборвал его старший. – Отставить! Обращаемся по имени-отчеству или по фамилии.

– Так точно! – ответил Трофим. – Все! Я вас понял, Александр Владимирович Ладынский!

Молодой человек, не вставая, продвинулся по скамье ближе к выходу, выглянул из кузова и вдохнул свежего ветра, наполненного запахом утренних трав и дорожной пыли.

– А что это за звук?

– Рация, – ответил Ладынский, надевая солнечные очки.

– Нет. Не этот. Звон какой-то. Слышите? Словно размешивают ложечкой чай.

Ладынский прильнул к отверстию в тенте:

– Это изоляторы звенят на растяжках мачт, белые такие, керамические. Их ставят, чтобы от тросов не искажалась апертура передатчика.

Совсем близко послышалось шарканье сержантских кирзачей, приблизившись к борту, сержант прокомментировал пассажирам свои последние действия:

– Доложил, что строители опять затеяли возню.

Радиолокационную точку поставили здесь еще в семидесятые, и ни о каком населенном пункте тогда и речи не шло. Далеко внизу виднелись стрелы башенных кранов и редкие дымы строительных городков. Неторопливая активность строителей закончилась огромной асфальтовой кляксой, которая оказалась перекрестком, похожим на гигантского черного спрута, дотянувшегося до горизонта щупальцами дорог с белыми пунктирами разделительных линий. Военные обнесли радиолокационную станцию забором из колючей проволоки, и на холмах опять на долгие времена воцарились тишина и покой. К началу девяностых, в предчувствии гражданской войны, строительство остановили.

– А ведь я помню те времена, когда здесь светофор поставили, – сказал Ладынский, снова прильнув к одному из отверстий, – вон на том месте, самый настоящий светофор. Поселок планировали строить, – майор хотел показать это место рукой, но уткнулся пальцами в пыльный брезент тента. – Представляю, сколько дембельских альбомов украшены фотографиями в обнимку со светофором в открытом поле с заснеженными горами на заднем плане. Сейчас там даже бетонной площадки не видно. А ты говоришь – Атлантида.

– А вы, кстати, замечали, как автоматы, висящие на плечах вчерашних школьников, делают их взрослее. Мой младший брат постоянно лез в кадр с сигаретой в зубах, тоже хотел выглядеть старше.

– Больше всего кадров с крупнокалиберными пулеметами встречается в дембельских альбомах писарей и чертежников из штаба, – задумчиво произнес Ладынский.

– Это точно. Все мы торопились быть взрослыми и значимыми, а получилось, так, что многие навсегда остались молодыми.

– Домой вернешься, писать начинай, – ответил Ладынский.

Из ближайшего вагончика вышел небритый полный мужчина кавказской внешности и направился к грузовику, надевая на ходу кепку, аккуратно сложенную из газеты.

– Салам алейкум! – поприветствовал его сержант, защелкивая рацию за пояс.

– Гамарджоба! – ответил строитель по-грузински.

Услышав набор интернациональных приветствий, оба пассажира с любопытством выглянули из кузова. Струйка белого дыма прошла от края до края дальнего вагона-бытовки, и на строительном участке появился смуглый мужчина высокого роста лет сорока, неопре-

деленной татарской внешности. Он швырнул в сторону палку, с которой стекал в траву еще дымящийся гудрон, и громко сказал грузину:

– Валико, а Валико, предложи гостям арбуз.

– Да, конечно, пожалуйста, проходите! – воскликнул строитель в газетном оригами. – Хороший арбуз, прохладный арбуз. Присаживайтесь!

– Я же тебе говорил, – сказал Ладынский, увлекая за собой молодого человека еле заметным толчком корпуса.

– Арбуз, арбуз, прохладный арбуз... – стал напевать Трофим, переступая за борт грузовика. – Ну, что ж, поехали.

Мужчины одновременно спрыгнули с борта, отряхнулись и направились к строительным кóзлам, застеленным клеенкой в сиреневый цветочек, свисающей до самой земли. Военнослужащих больше заинтересовала пачка папирос, лежащая на краю стола. Получив одобрение строителей, солдатики дружно вытянули из пачки по одной папиросе и тут же закурили. Потянуло густым табачным дымом.

Все сели в тени вагончика – по одну сторону. Грузин разрезал арбуз, расставил нехитрую посуду и сел на лавку рядом со всеми. Притянув к себе арбузную дольку, он спохватился, вскочил, поднялся по металлической лестнице в вагончик и вернулся оттуда с пластмассовым постаментом и большим пляжным зонтом. Он установил зонт в постамент и раскрыл над столом. Придвинул два пластиковых стула, один для себя, спинкой к штоку, другой для сержанта.

Арбуз оказался спелым и сладким. Долговязый строитель, увидев заминку гостей, неуклюже выковыривающих косточки из арбуза, неторопливо обернулся, жеманно выдернул охотничий нож, воткнутый в стену вагончика на уровне головы, и протянул его на другой конец стола, ловко провернув нож в ладони – рукояткой вперед. Трофим взял нож, проделал одними пальцами пяток таких же финтов, вращая клинок в обе стороны, коротко сказал «спасибо» и рассек арбузную дольку пополам. Стряхнул косточки в пиалу и передал нож рядовому. Трофим пригнулся, шаркнул по гальке крупным протектором ботинка с высокой парашютной шнуровкой, вынул из-за голенища узбекский нож с цветной наборной ручкой и воткнул в очередную дольку арбуза. Бравая готовность к любым мужским играм на свежем воздухе светилась куражом в его глазах.

Пассажиры, оставив на столе по два тонких полумесяца арбузных корок, показали жестом, что они еще не прощаются и пошли к машине, достали из кузова два рюкзака, сумку со снастями и удочки.

– Ладно, сержант, езжайте, – сказал Ладынский, – мы сами спустимся к реке.

Солдаты опасливо вскарабкались в кабину, не сговариваясь, выхватили из машины головные уборы и вытрясли их – все могло быть пристанищем мохнатого чудища.

– Техника вся ушла? – крикнул Ладынский еще в открытые двери кабины.

– Это военная тайна, – ответил сержант, улыбаясь уголком рта с дымящейся папиросой.

– Да уж, тайна – еле слышно сказал Ладынский, – две недели кирпичное небо от пыли над долиной, а сегодня тугай видны до горизонта. Тоже мне тайна.

Двери кабины захлопнулись, и грузовик вздрогнул, выдохнув облако черного дыма. После лязга и скрежета в коробке передач, «Урал» отказался демонстрировать исправное состояние задней скорости и, сделав уверенный щелчок в первую передачу, тронулся с места. Руки смуглого водителя широко ухватились за баранку. Машина выписала большую дугу по чистому полю, подминая под себя строительный хлам, переваливаясь, разместилась в колею и скрылась за холмом.

Рыбаки вернулись за стол, разложили на рюкзаке старую армейскую карту и склонились над еле заметной голубой лентой, плутающей между серыми безводными дугами древнего русла некогда полноводной реки.

– А вы, значит, к реке пойдете? – спросил татарин. – И места здешние вам хорошо знакомы?

– Да, – ответил Ладынский, – мы служили здесь неподалеку много лет назад. Вот решили посетить знакомые места напоследок.

– Тоже с войсками уходите? – спросил грузин.

– Нет, я на пенсии, а Трофим давно на дембеле, в гости приехал.

Ладынский достал из планшета еще одну карту, это была красноватая ксерокопия с многочисленными правками от руки. Трофим присел и оперся на рюкзак локтями, погрузив голову в открытые ладони.

– А может, в картишки перекинемся? – спросил татарин.

Предложение сыграть в карты Ладынский хорошо расслышал, но не счел нужным отвечать поспешно, только искорка мелькнула в его глазах, мелькнула и опустилась на нарисованные русла рек и на названия горных вершин, подписанных от руки.

– Кызыл-су, Мук-су, пик Наблюдений, Курай, – произнес он шепотом, доставая бинокль из кармана рюкзака.

Ладынский вспомнил несколько сводок, поступавших в отдел о каких-то карточных разборках на том берегу, но тогда не придавал этому значения.

Грузин возил по столу мокрой тряпкой и иногда хлестал ею по мухам.

– Я в буру умею, – с неожиданной веселостью сказал Трофим, не отрываясь от карты. Ладынский накинул ремень бинокля на шею и снял защитные колпачки с объективов.

– Какая бура! Э... Какая бура! – внезапно взвизгнул полный грузинский строитель, да так, словно бы до этого за столом только и говорили, как о разнообразии карточных игр.

Лицо Трофима в недоумении вытянулось, он вопросительно посмотрел на старшего товарища, но тот продолжал пристально всматриваться в долину, делая вид, что ничего не слышит. Однако боковое движение глаз Ладынского перед окулярами не осталось незамеченным Трофимом.

Высокий татарин молниеносным движением схватил грузина правой рукой за загривок и пригнул его голову к столу с такой силой, что газетный кулек скатился на стол. Упитанный горец недовольно водрузил оригами обратно на свою редкую шевелюру и нервно сдвинул кепку набекрень, козырьком на ухо.

– Бура, так бура, – спокойно сказал татарин, – сдавай... Валико.

Грузин подвернул подранные манжеты рубашки из комплекта солдатского нижнего белья и стал торопливо тасовать замусоленную колоду, которая невесть откуда уже вертелась в его руках. Он раскидал карты по сторонам. Трофим взял свою тройку и развернул ее растопыренным веером, мол, что тут играть с эдаким количеством неизвестных, все еще вопросительно поглядывая на старшего товарища.

Поначалу играли в тишине. Первые карты покрыли стол. Две черные шестерки, бубновый валет и туз червей. Грузин с удовлетворением сгреб первую взятку. Постепенно стали появляться привычные для карточных игр легкие и малозначимые словечки, обрывки фраз, прибаутки.

После десятка раздач долговязый татарин артистично бросил на стол свои карты, услышав очередной возглас Трофима:

– Бура!

– Я не понимаю, как так? – сказал татарин, доставая папиросу из пачки «Наша марка» и разминая ее пальцами. Количество окурков в пепельнице ровнялось количеству побед молодого человека. Непримятые цилиндры лежали горой.

– Ты их что, считаешь, что ли? – спросил грузин. – Почему в прошлом кону ты вытянул только на молодках, а теперь раз – и бура?

- Пардон, – сказал Трофим, – не бура, а маленькая Москва.
- Что такое? – возмущенно произнес грузин, приподнимаясь и отклоняя пухлым указательным пальцем все три карты Трофима на себя.
- Маленькая Москва, – повторил Ладынский.
- Что такое маленькая Москва? – еле слышно спросил татарин.
- Три шестерки, – ответил Трофим, – с козырной.
- Почему раньше не сказал? – безразлично промямлил грузин, сгребая карты со стола.
- А три семерки, что значат? – спросил татарин.
- Ничего, – ответил Ладынский.

Долгое молчание вызывало неловкость за столом, и Ладынский решил вернуться к разговору с Трофимом, начатому в дороге:

- Пока сдают, рассказывай дальше, кого видишь, где бываешь?

Молодой человек хлестко припечатал свои карты о стол и охотно заговорил:

– Никого я не вижу. К нам гости не ходят. В Москве еще некому, а в Ташкенте – уже некому. Сейчас живем у родителей жены в Самарканде. Вот и рванул к вам, как только позвонили.

И Трофим вспомнил, как три дня назад, не включая свет, бесшумно вынес рюкзак в прихожую. Поворотом ключа пытался сдержать щелчок замка, но звук затвора эхом упал в темноту квартиры. Прислушался, кажется, никого не разбудил. Узкий луч света из подъезда полоснул прихожую по диагонали, преломился под прямым углом на тумбочке и ярким клином лег на почтовый конверт. Первая мысль – «Кому» – заставила склониться и задержать дыхание. Черт возьми, да что из этого всего – «Кому»: Санкт-Петербург, Фурштатская, Московская, Домодедово, Ташкент, Гафура Гуляма. «Что из этого всего „Кому“?» – вопрос внезапно сменился неожиданным и спасительным ответом: «Да какая разница!» – вырвалось почти вслух. Первый глоток свободы оказался сразу за дверью, потом на каждом этаже по глотку. На улице вернулось дыхание полной грудью, и земное притяжение растворилось в ночном бульваре. Вслух произнес только:

- Что из этого всего «Кому?»
- Что значит «Кому?» – переспросил Ладынский.

– Да нет, это я о своем, – ответил задумчиво Трофим и продолжил: – Приезжаю из командировки. Федерация приглашала провести несколько сеансов одновременной игры в Норильске. Лиля встретила меня в аэропорту, по дороге домой заехали в центр. Ну, и вот, она купила себе кольцо. Кольцо стоимостью в половину моего гонорара.

- Так ты все-таки скряга? – усмехнулся Ладынский.

– Да, скряга. Была бы у меня работа... – Трофим сделал паузу, взял карты и продолжил: – Если бы у меня была работа, я бы так и подумал: «Черт возьми, месяц работы!» Это звучит привычно и обыденно. Но работы у меня нет, и я подумал: «Черт возьми, месяц жизни!» Плохо подумал, знаю. Но подумал же. И это осталось звоном в ушах. Звоном, кстати, и в бокальчике, куда колечко благополучно закатилось и запылилось, ни разу не надеванное.

- Такой молодой, а без работы, – сказал грузин, – нехорошо.

– А он у нас спортсмен, – ответил Ладынский, – шахматист из Москвы, – с гордостью добавил он и продолжил: – Что там Полетаев, как у него?

Трофим рассмеялся во весь голос:

– Встречаемся, как пилигримы в залах ожидания да на Красной площади. Димка теперь большой начальник, его карьерная лестница на сегодняшний день выглядит примерно так. – Трофим очистил песочную площадку под ногами и начертил обломком соломинки на песке «XL – XXL – XXXL». Кстати, в семейном бюджете он делает непомерные дыры по той же самой линейной схеме.

– Не понял, – Ладынский повернулся к Трофиму, искренно удивляясь своему непониманию.

– Это размеры одежды, – сказал Трофим, – он теперь вот такой огромный. – Трофим широко расставил руки в районе талии. – Вечно по командировкам на Северах, да еще и начальник, он дома бывает всего по два месяца в году.

– Да, но боец он был бравый, ничего не скажешь, – ответил Ладынский.

Внезапный порыв ветра вызвал небольшой, но стремительный смерч, который тронул край стола, вскинул угол клеенки в сиреневый цветочек, опрокинул арбузные корки возле пепельницы и увлек хоровод карт под стол.

Трофим отодвинул свой пластиковый стул, заглянул под стол, полез еще ниже, чтобы дотянуться до пиковой дамы. Случайно глянул в сторону скамейки и увидел деревянную рукоятку револьвера, неряшливо торчащую из кармана грузина. Трофим не спеша поднялся, часто моргая и отдуваясь, протер мокрой тряпкой ладони. «Smith&Wesson – подумал он, – не меньше, надо найти повод, чтобы уединиться с Ладынским на почтленном расстоянии и сообщить об увиденном».

– Обедать пора, – сказал татарин.

Трофим изобразил на лице улыбку, шлепком опустил руки на стол и привстал

– Пойдемте, Александр Владимирович окрес-с-тности ос-с-смотрим, – произнес он, вульгарно удлинняя в словах каждую «с», – аппетит нагуляем.

Трофим, подкрепил предложение многозначительным кивком и на ходу подхватил бинокль. Сделав несколько шагов за угол вагончика, Трофим заговорщическим голосом начал шептать про пистолет в кармане грузина, на что Ладынский легкой ухмылкой дал ему понять, что все это давно заметил, перехватил бинокль и как ни в чем ни бывало сказал:

– Каково это будет жить в тех местах, где на горизонте нет гор.

– Ну, ладно бы гладкоствольное или нарезное зачехленное, но такое! – продолжил возмущаться Трофим, принимая бинокль от командира.

– А как ты хотел! До тридцать восьмого года гонялись за басмачами, через сорок лет – за душманами, потом гражданская... Здесь всю историю у каждого поколения своя война. Рахмонов на встрече с парламентом признал, что только шестая часть границы охраняется таджикскими пограничниками. Но по факту они делают все, чтобы ускорить вывод нашей группировки. Это местных душманов можно распустить по домам, и они сменят автоматы на кирпичи. А наемников продолжают поддерживать – для финансовой отчетности. Возможно, и эти картежники из них либо ждут приглашения на вакантные должности, но то, что они не строители, это очевидно.

Ладынский вспомнил, как неделю назад получил ответ на свой рапорт об отсутствии в совместном производстве дел, подлежащих передаче таджикским коллегам. Сдал три кабинета с мебелью прапорщику из хозяйственной службы, оставил на столе начальника заявление об увольнении по причине выхода на пенсию и приложил записку: «До понедельника буду на рыбалке, на нашем месте. Прошу заявление передать в кадры».

– Расслабься. Посмотрим. Пойдем, а то начнут волноваться, – сказал Ладынский и направился к стоянке.

Трофим на миг обернулся к Ладынскому, но ничего не сказал. Он подхватил бинокль за длинный ремень, быстрым шагом догнал майора и пошел с ним рядом, выжидая продолжения разговора. Продолжения не последовало.

– Александр Владимирович, товарищ майор, а вы жалеете, что тогда нас так и не вывели на задание? – сказал Трофим, вслед уходящему командиру. – Столько готовились...

– Отставить вопросы! – коротко отрезал майор. – Я с понедельника в отставке. Закончили тему.

Трофим попытался изобразить радостную физиономию, но получилось только полоумное веселье с ухмылкой до ушей, да глаза моргали.

Потянуло смесью древесного и табачного дыма. В вагончике гремели посудой. Татарин крошил топором остатки деревянного ящика.

Появившись у стола, рыбаки еще на ходу непринужденно продолжили свой разговор:

– Поехали мы как-то в торговый центр, – громко заговорил Трофим. – Это называется «купить кофточку на весну». Впоследствии кофточка была надета один раз, а через неделю мы уже едем покупать джинсы на лето.

– А что ты хотел? Дочь большого начальника, к тому же красивая женщина. Это же нормально, – перебил его Ладынский.

– Слушайте, я ей говорю: весны не будет. Времена года – это единица измерения времени, а время – это характеристика движения. Знаешь, говорю, почему у тебя не было зимы? Потому что тебе никуда не надо было идти, бежать, ехать, лететь. И весны не будет. Если стоять на месте и смотреть на весну в упор, то весны не будет, она не случится. Листья будут, солнце будет, будут цветы, запахи, а весны не будет. Надо торопиться, надо опаздывать, надо не успевать. Тогда проявится и весна, и лето. Время вернется.

– И ты это все говоришь женщине? Кошмар какой-то. Ты ошибся с профессией, тебе ни в шахматы надо играть, а писать. А то ты договоришься, если не научишься помалкивать, а помалкивать, похоже, ты учиться не собираешься, так что «пишите, Шура, пишите».

– Да надо. Человек начинает писать, когда его перестают слушать. Вот я и примчался, когда вы позвали, потому что поговорить больше не с кем, – печально ответил Трофим.

– Приходится признать, что некоторые слова не предназначены для женщин. Игра, в которой нет правил, не игра, в ней нет партнеров. Это не игра, это заигрывание.

– Ладно, забудь, – задумчиво сказал Ладынский, пытаясь сменить тему.

Вдали серебрится изгиб реки, высоковольтные опоры утопают в зелени тугайных лесов и скрываются за перевалом. Кажется, что слышен манящий шум воды, но солнце медленно покидает зенит, и выходить по жаре путешественникам не хочется.

– Рыбаки! – прозвучал окрик за дверью вагончика, сопровождаемый громом посуды,

– Может, еще партийку, на посошок? Идет?

Запах вареного мяса и свеженарезанного лука изысканно дополнил композицию из смеси дымов.

– Тогда арбуз! – выкрикнул Ладынский. – Мне и моему товарищу.

– Яхши, – ответил приглушенный голос, – только пускай спортсмен рассказывает, что делает, когда играет.

– Ну, не, тогда еще мяса, – отозвался Ладынский шутливо.

– Мне и моему товарищу, – подыграл Трофим.

– И побольше, – подтвердил Ладынский.

– Баранину! – выкрикнул Трофим и, закашлявшись, повторил по слогам: – Ба-ра-ни-ну.

– Другое не держим, – ответили за дверью, – другое не мясо для настоящего воина.

– Только давай не на солнце играть, вчетвером-то у вас поместимся? – спросил Ладынский, чтобы иметь возможность осмотреть и оценить внутреннее убранство. Игроки разместились по обе стороны крохотного стола. Третий вагончика отделена металлической решеткой, за которой находился складской отсек, заваленный пустыми мешками из-под строительных смесей. «Пока все логично», – подумал Ладынский и обратил внимание, что начали игру торопливо.

Татарин ел неохотно, он как будто погрузился в себя, но, когда Трофимом стал сбрасывать тузов – один за другим, внезапно опомнился и завопил:

– Обещал говорить – говори! Почему зря тузов бросаешь?

– Хорошо, – сказал Трофим голосом школьного преподавателя, привыкшего давать материал под запись. – Внимательно смотрим и чувствуем. Вот, пожалуйста. С королями – все. Да? Да. Дальше. На красных – ловить нечего. Это понятно же? Понятно. Шесть крести – мы видели. Дальше – все как-то просто, не правда ли?

Трофим дождался еще пару чужих взяток, напевая «прум-пум-пум» и снизывая очередной кусок мяса с вилки, протянул над столом три карты.

– А вот зачем! – жуя и торжествуя, произнес он.

– Опять маленькая Москва? – зашипел грузин.

– Нет, – ответил молодой рыбак, – не опять. Тогда была маленькая Москва, а теперь просто Москва.

– А три семерк что значат? – спросил татарин, совсем уже теряя за акцентом разборчивость русских слов.

– Ничего, – произнес Ладынский нараспев и стянул зубами остатки мяса с бараньего ребра. Затем он поднес к губам чашу, украшенную синими вензелями, чтобы отхлебнуть, но шар вареной картошки прокатился от края до края и выплеснул на Ладынского содержимое посуды. За столом раздался дружный хохот.

– Три семерки будут обозначать Кабул, – утвердительно сказал татарин.

– Нет. Лучше Ташкент, – сказал Ладынский, весело поглядывая на Трофима, – там тепло, там моя мама.

– Может быть, мы сразу в города начнем играть, – сострил Трофим, приняв от командира эстафету искрометного юмора. – Кабул – значит мне на «л».

Но сама по себе идея ему понравилась своим вольным отношением к правилам, и Трофим уточнил это предложение:

– Хорошо, пускай все тройки младших карт с козырной тоже будут бурой. – И, чуть поразмыслив, добавил: – Называйте их любыми городами.

Невзирая на нововведения, татарин, значительно подрастеряв энтузиазм, но не без азарта, выбросил в воздух свои карты после очередного восторженного выкрика Трофима:

– Кандагар! Тебе на «р». – В руке Трофима было три девятки с козырной.

– Шайтан, – завопил татарин, обращаясь к Ладынскому, – как он это делает?

– Странные вы рыбаки, – обиженно зашептал грузин, – приехали на рыбалку, природой любоваться, а сами всю дорогу только о женщинах и говорите. А этот спортсмен говорит, что шахматист, а сам в карты играет как черт.

– Вы тоже, как я посмотрю, строители с изюминкой, – не выдержал Трофим, – и ваш строительный инвентарь сорок пятого калибра, наверное, не меньше? А?

– Девять миллиметров, – угрюмо ответил татарин и с силой хлопнул ладонью по шее грузина, добавив коротко: – Ахмок!

Изрядно смятая газетная конструкция снова скатилась на стол. Горец схватил свой головной убор, скомкал его и зашвырнул в угол.

– Дело у нас к вам, – начал татарин.

Рейсовый автобус номер пятьдесят три остановился возле бетонного сооружения, больше напоминающего развалины долговременной огневой точки, чем автобусную остановку. На лобовом стекле транспортного средства виднелся набор табличек на все случаи жизни: «Дети», «Заказной», «Домбрачи». Мощные руки раздвинули неисправные секции складных дверей, и на бетонную площадку соскочил мужчина лет пятидесяти. Он осмотрелся, улыбнулся окружающему пейзажу и широким шагом двинулся по грунтовой дороге, ведущей круто вверх. Мужчина шел уверенно, как человек знакомый с местностью, только изредка останавливался и с интересом рассматривал окрестности. На пологой площадке он перешел на другую сторону дороги, которую каждый год в этом месте выкладывали глиняными комьями, но она все

равно вымывалась дождями до скальных пород, и к маю снова показывались темные трещины в буром граните, как жабры гигантского кита, на котором растянулся кишлак. Велосипедист, поравнявшийся с женщиной, остановился и спешился. После обмена приветствиями «салам алейкум – алейкум асалам» велосипедист развернулся и шел рядом с женщиной, не приставая с расспросами и не сводя с незнакомца глаз. Тем временем мужчина свернул к ближайшему дому. Велосипедист постоял на пригорке и покатился вниз, оставляя за собой дорожку неподвижной пыли.

Мужчина вытер со лба пот белоснежным платком, беззвучно отодвинул калитку, прошел по узкой тропинке недавно политого огорода и остановился у открытого окна, на котором играли солнечные зайчики в тени густого виноградника. Сквозь шепот узбекской речи он узнал голос Марины. «Иккинчи хафтадавомида», – сказал мужской голос из репродуктора. «Мне его подарила Людка где она сейчас кто знает сама уехала или была какая переписка и Серега ее как застрял в том городе так уже рыпаться больше некуда», – говорила Марина сама с собой. «Бухудудда хеч кандай йукингарчилик йокликига гарамай», – перебивал ее голос диктора.

Дальше Марина продолжала без пауз: «Еще и на лампе висит брелок тоже ее подарок в том магазине если б ни они с Надей я бы и не купила себе серый плащ он же половину моей зарплаты тогда стоил я его померила дома а Сашка мину состряпал равнодушную ну и что я все равно его еще лет десять потом носила и кофемолка так и стоит на кухне но теперь я в этот плащ и не помещаюсь надо поменьше хлеба есть ведь варенье же бросила варить хотя удержаться от шоколада все равно не могу скопище болванов с кем-то сошлась это же мы его пятидесятилетие праздновали и Сашка когда баню построил все хотел его позвать как будто посоветоваться а сам похвастаться хотел пижон приехал из командировки в новых джинсах в красных кроссовках все отшучивался что это спецодежда».

– Здравствуй, Марина, – сказал мужчина.

– Я же вам говорила, – ответил женский голос из глубины комнаты, – ...никогда больше не приходите в наш дом... надо же... как чувствовала...

Мужчина скинул сумку, прислонился спиной к глиняной стене и, сползая по ней вниз, присел в тени под самым окном.

– Полковник? Ты же теперь у нас полковник? Рассказывай, чего пришел. Хотя, не надо ничего рассказывать, и так все понятно. И вам, похоже, тоже все понятно. А, полковник? Вы же приходите не тогда, когда у вас есть вопросы, а тогда, когда у вас уже есть ответы, когда вы знаете правильные ответы. А, полковник? Чего молчишь?

– Я, правда, ничего не знаю. Просто так зашел. А Сашка где?

– К нему солдатик в гости приехал. Они на рыбалку пошли.

– Какой солдатик?

– Трофим. Молоденький такой, помнишь, в шахматы все играл. Округ выиграл. В Москву ездил. Потом его к Сашке во взвод перевели. Раз ты здесь, значит и Трофим не зря приехал. Так, да, полковник?

– А вы когда собираетесь домой?

– Не знаю, вот у него и спросишь.

Марина вышла во двор и, не обращая внимания на сидящего мужчину, выплеснула воду из желтого эмалированного таза, развеяв ее над бетонной площадкой перед верандой. В соседнем дворе из глиняного одноэтажного строения без дверей выбежал пацаненок в белоснежной школьной рубашке и галстук, он держал в руках большого рыжего кота и несся напрямик на улицу, шлепая босыми ногами по мокрой дорожке. Из строения появилась женщина, одетая с ног до головы в цветные одежды, догнала сорванца у самой калитки и потащила его в дом. Через мгновение пацан появился на пороге в ярко-зеленом пуховике на три размера больше и снова помчался за котом. В этот раз женщина догнала его гораздо раньше.

Не прошло и минуты, как мальчик снова появился у порога, теперь он был в шортах и огромной соломенной дамской шляпе.

– Э, Данияр! – выкрикнула Марина. – Мама еще не пришла?

– Джок, – ответил пацан и пустился наутек.

– У нас в Тушино, – сказала Марина, не утруждая себя быть услышанной полковником, зная, что он ловит каждое ее слово или, догадываясь, что он ловит каждое ее слово, – в нашем подъезде дворник живет, Марат, так вот, не поверишь, здесь у нас сосед – через дорогу – его двоюродный брат. Так что у меня тут все, как дома. Соседи в Тушино с утра до ночи на работе, двор пустой, так мы втроем и гуляли: я, Дашка и дворник Марат.

Марина подошла ближе к кустам малины, росшим вдоль забора, и зычно крикнула в соседний двор:

– Эй, бола, каерга кетабсиз? – Не получив ответа обратилась к соседке: – Соня-апа, отправь его ко мне, пускай со мной побудет.

– Мама у них в правление пошла, а тетка с ним не справляется, – сказала Марина, повернувшись к полковнику. – Представляешь, он сегодня, в воскресенье, собрался в школу и не один пошел, с котом пошел.

Марина подождала немного у ограды и сказала усталым голосом:

– И ты иди, полковник. У нас тут все хорошо. У нас тут маленькая Москва.

– Дело у нас к вам, – начал татарин.

– Сначала, скажи, почему этот добряк так взбесился, – перебил его Ладынский, кивая на грузина, – когда Трофим сказал, что только в буру играть умеет.

– Да, проигрался он в пух, – улыбаясь, ответил татарин, – те трое тоже начинали с того, что, ой, мол, мы только в дурака играть умеем, а потом обобрали его начисто.

– Предложение у нас. Поехали к нам, – продолжил татарин, – дорогими гостями будете. Мы вам такую рыбалку покажем, век помнить будете. У нас сильную игру любят. И Абай сильную игру любит, порадуем старика перед отъездом. Безработный спортсмен заработает неплохо, обещаю.

– Я же так понимаю, что ты правила любой игры быстро понимаешь, да? – добавил грузин, обращаясь к Трофиму. – Кольцо жене купишь.

– Это какой такой Абай? – спросил Ладынский.

– Тот самый, – сказал татарин и пододвинул карту местности рыбаков к себе поближе. – Старик совсем забыл про нарды, теперь он карты любит.

– Спортсмен два кольца жене купит, – сказал грузин и ткнул пальцем в точку на карте в том месте, где ущелье на противоположной стороне горной гряды за рекой выходило в долину. – Машина через час будет, все поместимся.

– Когда-то врагами были, а тут в гости ехать, – ухмыльнулся Ладынский, – Трофим, ты хочешь увидеть живого Абая?

– Сколько лет прошло, – ответил грузин. – Война дело молодое, а мы лучше вина поьем, в карты поиграем.

– Ну, не знаю, а во что там играют? – безразлично спросил Трофим, – хотя «барабир», – ответил он сам себе, читая на лице Ладынского принятое решение, – ехать.

Через час, с удивительной для этих мест пунктуальностью, на строительной площадке появился старый пикап, запорошенный красной неместной пылью. Строители принарядились в разгрузочные жилеты с подсумками, побросав их поверх рабочей одежды, в кузов покидали рыбацкие снасти. Грузин сел в кабину, а татарин разместился наверху вместе с рыбаками. Как только машина тронулась, татарин протянул путешественникам две повязки со словами: «Наденьте для порядка, сами понимаете».

Трофим брезгливо натянул повязку на глаза, подмял под себя какую-то ветошь и повалился рядом с командиром. Машина набрала ход. Трофим нетерпеливо начал шептать Ладынскому на ухо:

– Ничего не понимаю. Куда едем? Зачем едем?

Майор улыбнулся, не оборачиваясь. Помолодевшие впадины на щеках, повязка, как опущенное забрало рыцарского шлема, вид человека, у которого все в надежных руках и все идет по плану.

– Завтра-послезавтра в округе все узнают, – начал он, – а я узнаю Альпиниста. Он у них тюки по скалам катает на веревках через перевал. Они там молятся на него. Если, конечно, я правильно понимаю, куда нас везут.

– И все это я слышу от пенсионера, почти гражданского человека? От штабного работника? Или как всегда? Бывших особистов не бывает? – Трофим улегся поудобнее, подвинул рюкзак под голову повыше.

– Мы с ним около года назад встречались, и он мне говорил, что этим летом банда уйдет в горы, похоже, считанные дни остались, – продолжил майор. – Он нас с легкостью спустит к реке, а там немного вплавь, немного броду – и дома. Только уходить будем по очереди. Ты первый пойдешь, а я следом. Через день, через два, как получится. Альпинисту с нами нельзя, его миссия продолжается, он уходит с ними. Только бы я не ошибся, куда нас везут.

– Вот знал же, знал, куда еду. У нас, похоже, и задания никакого нет, так, да? Так? А? Так? Да? – допытывался Трофим, подвигаясь к командиру все ближе.

– Нашу часть расформируют. Всех разбросают по округам. А я на пенсию. Как представил, что на этом все. Понимаешь – все! И никогда я до него больше не дотянусь... С меня весь штабной лоск разом слетел. Я просто знаю одну штольню еще со времен афганской... Хочу ее посетить.

Ладынский повернулся набок, подложив локоть под голову, и уже не для Трофима прошептал:

– Сидел там, тайнописью занимался. Болван.

К вечеру покрасневшийся полковник ворвался в кабинет дежурного, сорвал трубку с пульта, нажал три черные кнопки и без вступлений прокричал:

– Что там?

В громкоговорителе начали отвечать сразу несколько голосов. Полковник отпустил две крайние кнопки и дослушал доклад:

– На месте их не было. Кострище месячной давности, если не больше. «Урал» после РЛС вернулся в часть. Строителей наверху тоже нет.

Шифрограмма

Код «Султан»

Совершенно секретно

По прочтении уничтожить

Монгол и Пионер самостоятельно вышли на контакт с Альпинистом. Установить связь не представляется возможным. Прошу разрешить использовать канала Гюрза.

Улугбек

Машина остановилась на большом расстоянии от КПП в стороне от очереди из нескольких машин. Татарин спрыгнул, открылась водительская дверь, и послышались удаляющиеся шаги. После нескольких минут тишины путешественники скинули повязки.

Поначалу показалось, что машина стоит рядом со съемочной площадкой какого-то боевика. Высокие стены, наспех воздвигнутые из глиняных комьев, из которых свежими спицами

торчит солома. Громадное глиняное здание оштукатурено и побелено с фасадной стороны, боковые стены кое-как замазаны. Пластиковые окна и двери в глиняном строении вызвали у рыбаков улыбку. Из глины можно строить здания любой этажности и любой архитектурной смелости, но все равно это будут хижины. Из мрамора получаются дворцы, из гранита – замки, а из глины всегда только хижины. Свет в окнах белоснежных фургонов на еле заметных колесах. Блок-модуль на высоком фундаменте с надписью «Чайхона». На пороге стоит группа людей в песочных камуфляжах.

Зенитная установка без шасси красуется посередине плаца, она увешана елочными гирляндами, как новогодняя елка, по ней катятся волны бегущих огней. Флагшток с повисшей триптичей. Ошеломленные путешественники с трудом сдерживали хохот.

– Что-то мне подсказывает, что строевой подготовкой они здесь не занимаются, – сказал Ладынский.

– Зато елку до сих пор не убрали, – поддержал шутку командира Трофим.

Полукруглые быстровозводимые ангары как будто специально поставлены по сторонам, чтобы приумножить в зеркалах никелированного металла весь этот бред декораций. Подсветка софитов обнажает целлюлит глиняных стен, в их рельефе угадывается размах рук штука-тура-дервиша.

Факелы по углам, прожекторы на крышах. Группа мужчин в шапочках под чалму вместе с парнями в касках и в форме американского спецназа волочат деревянные ящики.

– Эkleктика какая-то. Чалмы, тюрбаны, пуштунки. Я такое разнообразие головных уборов видел только в костюмерной ТЮЗа, не хватает тирольских шлемов. О, и буденовок тоже не хватает!

Возле ворот курил мужчина в густой бороде. Бородач обвешен пулеметными лентами поверх футболки с надписью «Deer Purple», он чиркает зажигалкой, освещая смуглое лицо своего товарища. Арафатки намотаны куда попало, пураханы и халаты у всех чистенькие, выглаженные.

– Слышал, что в райдере американского спецназа присутствует апельсинистка, – съязвил Трофим.

– Спокойно, – остановил его Ладынский.

– Мне, помнится, мама две недели выкройку буденовки искала, ну, мода такая была у нас в пятом классе, потом неделю шила. Кусок шинели, ножницы, машинка, а в результате такая красивая вещь получилась.

– Ты что-то совсем разошелся, Трофим, неудобно же, наемники кругом, мать твою, логово как-никак, – еле сдерживая смех, произнес Ладынский. – Посерьезнее, пожалуйста, посерьезнее!

– Так меня потом в школе все спрашивали: шили или покупали, шили или покупали?

Одного из охранников вызвали по рации, и он что-то улюлюкает басом по-арабски. Столбы пыли за двумя грузовиками напоминают дымовую завесу, которую используют для объемной засветки киноплёнки. Все это как будто бы под пение муэдзина, ан, нет, слышны ударные и что-то смычковое. Звучит красиво. Не хватает только шального салюта в небе, автоматной очереди трассирующими пулями или лучше бы из крупнокалиберного пулемета. Стоило только подумать и... «Есть салюты, товарищ генерал, много салюта», – подумал Трофим. Две очереди подряд, одна из чего-то крупного, две-три из калибра помельче. Где-то вдалеке отчетливо слышно «та-та-та-та».

– О! – Ладынский поднял указательный палец, – АКМ, а то я уже думал, определенно фантастику снимают.

Как и положено в кино, из клубов дыма и пыли появился подтянутый силуэт военного. К его спортивному виду напрашивался гранатомет за спиной. Вместо этого у него в руках

была папка-планшет с листами формата А4, зажатыми в металлической прищепке. Силуэт приблизился к пикапу, поглядывая то по сторонам, то в папку.

Майор Ладынский сразу узнал Альпиниста, который сосредоточенно прикладывал карандаш, как линейку, к строчкам таблицы. Майор оценил расстояние до КПП, прикинул углы и секторы захвата видеокамер и, не опасаясь, сказал:

– Здравия желаю!

С трудом сдерживая смех, вызванный окружающим бедламом, стараясь несильно напугать старого приятеля, майор произнес это с полной уверенностью, что узнаваемости его голоса будет достаточно.

– Здра... – начал было Альпинист и осекся в изумлении, медленно поворачивая голову в сторону кузова внедорожника, стоящего поодаль.

– Ты почему один? – спросил Ладынский успокаивающим голосом.

– Ты лучше скажи, что вы тут делаете и где ваши сопровождающие?

Друзья обнялись, как могли, через борт.

– Сбежали, – сказал Трофим, протягивая руку для приветствия. – Вон, видите, толстый грузин, так это наш грузин. А татарина я что-то совсем потерял из виду.

– Привет, пацаны! – сказал Альпинист и продолжил заговорщически: – Ну, вы и натворили делов. Только спокойно, без улыбочек, все увидите, дайте срок. Вот они, плоды цивилизации, берем и пользуемся. Так это значит, вы указаны у меня как спортсмены из Москвы? Отлично! – деловито произнес Альпинист и подчеркнул карандашом какую-то строчку в таблице. – Ничему не удивляйтесь. – И по слогам повторил еще раз: – Ни-че-му. Сейчас здесь мода на бюрократию. Называется «современные методы управления предприятием». Бандформирование – это же тоже своего рода предприятие. Я, например, на прошлой неделе им программу бухгалтерскую ставил, один в один – 1С. Я валяюсь.

Альпинист помог рыбакам спустить багаж из кузова, и они остались возле машины, высматривая своих строителей.

– Абай с руководством, – продолжал Альпинист. – Приезжает всегда под вечер, вот тут и устраивают шоу с демонстрацией бурной подготовки к переезду. «Вспотел, покажись начальству», как говорят. В нашем регионе, как вы понимаете, потоотделение дается без особых усилий, вот и рисуются без устали. Абай рисуется перед касками и беретами, а все остальные перед ним в надежде продлить контракт. Лагерь через пару дней уходит вглубь страны, все грузятся. Даже танк без башни волокут тягачом. Забирают в качестве мишени, чтоб молодежь стрельбу из ПТУР отрабатывала.

Строители, оставив рыбаков возле машины, пошли к блокпосту выяснять, кто есть на базе из начальства, но в их неспешности угадывалось желание как бы невзначай попасться на глаза Абаю лично. Все на базе знали про новое увлечение руководства карточными играми, но никто виду не подавал, а в тайне все мечтали попасть на ночное мероприятие.

До освещенных софитами транспортных ворот метров пятьсот, так что друзья без малейшего опасения взяли багаж и двинулись к КПП самостоятельно, Альпинист имел на это полномочия. На ходу они продолжили разговор, переходя на шепот, только из уважения к обстановке вражеского лагеря.

– Вечером позвонили от Абая, сказали, что будут гости из Москвы и нужен представитель от службы. Как чувствовал, сам себя отправил. Я же теперь начальник. Скажем так, начальник отдела прибытия и отправки иностранных делегаций.

– Не понял! – удивился Ладынский. – А как же все эти твои тюки, веревки, скалы?

– Так это и есть самый настоящий багаж иностранных делегаций, – рассмеялся Альпинист.

– Короче, слушайте внимательно, – начал Ладынский, – скорее всего, нас разместят отдельно. Если это случится, то твоя задача, скалолаз, – майор посмотрел на Альпиниста, – в первую же ночь после игры нас вывести. Первая игра, похоже, будет уже сегодня вечером.

– Так, стоп. Теперь серьезно. Я знать не хочу, что вы тут делаете. Догадываюсь о вашей неслыханной самодеятельности. По каналу «Гюрза» мне приказано организовать спуск по ущелью двоих наших. Я это сделаю. Но утром я уйду из лагеря, так что выдвигаемся ночью.

– Я осведомлен, – ответил майор.

– Если кто-то из вас останется, это будет на его совести. Черти! – разозлился Альпинист. – На территории нет никаких паролей, персоны типа вас могут перемещаться только в сопровождении, имейте в виду.

– Первая игра будет вечером, – металлическим голосом продолжил майор.

– Какая игра? – перебил Альпинист.

– В города, – пошутил Трофим.

– Трофим, – строго сказал майор, – к тебе большая просьба: уважай старших, смейся их шуткам, поддавайся, поясняй ход игры – конечно, по возможности, но без издевки.

– Что за игра, господа товарищи? – повторил свой вопрос Альпинист.

– Дело в том, что нас пригласили в гости к Абаю. Трофим будет демонстрировать карточные чудеса, – стал пояснять Ладынский

– Ах, вон оно что! – спокойно сказал Альпинист.

– Короче, Трофим, – продолжил майор, – как бы там ни было, стань для них простым парнем, который их порадует. На следующий день ты нас поменяешь, и на игру пойду я, а вы уже уйдете в горы. И вот еще что, Трофим, дай мне свой анорак.

– Зачем? – спросил Трофим.

– У тебя капюшон глубокий, пригодится, ваше поколение любит капюшоны, – ответил Ладынский. – Разучу пару твоих словечек, типа «Кандагар, тебе на „р“», глядишь проскачу. Вы же вдвоем пойдете, это безопасно, а я уйду вправо по тропе. Надо штольню одну посетить, проверить.

– А почему всю эту халабуду не разнесут к чертовой бабушке пополам? – спросил Трофим, озирая окружающий карнавал.

– Нельзя, видишь, сколько там ряженных бейсболистов с наколенниками шастают. Сразу вой поднимут.

– А так, можно подумать, не поднимут? – усмехнулся Трофим.

– А ты знаешь, что мы хотим сделать? – хитро спросил Ладынский.

– Никак нет, – ответил Трофим.

– Тогда все, – подытожил майор, задумался и произнес: – Неосторожное обращение с взрывчатыми веществами было бы очень приемлемой версией, бляха муха.

– Далее, ты Трофим оставляешь для меня все перила, спускаешься к реке и со всех ног бежишь в кишлак. Связи у нас никакой, так что ты у нас и будешь почтовым голубем. Об этом отдельно поговорим.

– Я начинаю сомневаться в том, что все это происходит случайно, – задумчиво произнес Трофим.

– Ты же каждый год катаешься на родину. Что ты удивляешься, в самом деле! – ответил Ладынский.

Первую игру, которая была проведена в тот же вечер, как и предполагал Ладынский, Трофим провел блестяще. За столом люди, совсем непохожие на ту публику, что шастает на плацу. Все цивилизно. Одежда присутствующих в черно-белых тонах. Единственную шутку, которая могла испортить атмосферу вечера, произнес сам Абай:

– Это ты игрок от бога? А ты игрок от какого бога?

Но ее быстро затерли, обставили шутками, отвлекли расстановкой посуды, распаковкой новых колод. В остальном все было достаточно дружелюбно. Долго ставок не делали, но, оценив виртуозные способности молодого человека, к столу пригласили татарина. Он сел за спиной Трофима и с восторгом двигал на стол фишки, следя за игрой подопечного, изредка похлопывая его по плечу и что-то переспрашивая. Татарина звали Кайрат. За ужином он рассказал Трофиму, что он крымский татарин из семьи депортированных, до конца девяностых жил в Киргизии. На ночлег их действительно определили отдельно. Все шло по плану Ладынского. Охранник проводил их к соседнему зданию и велел открыть две крайние комнаты. Трофим даже не заснул, он просто провалился в небытие. Словно бы и не находился в чужом месте, да еще и в таком странном.

***

Альпинист пришел затемно, они быстро пробежали через плац, свернули у ангара и вышли на тропу. Трофим сделал несколько шагов и с трудом удержал себя от скатывания вниз по мелкой сыпуче, ему, с его крупным телосложением, показалось, что тропа началась очень круто. Огромная кавказская овчарка, появившаяся неизвестно откуда, посмотрела им вслед и произвела звук, больше похожий на бой бубна, чем на лай. Собака, немного помедлив, пустилась за ними вверх по тропе. Когда одинарный бой бубна прокатился по лагерю повторно, Альпинист подбежал к Трофиму, снял с него куртку майора, издающую устойчивый запах баранины и швырнул ее навстречу поднимающемуся псу со словами: «Вот и пригодилась».

Через час они были у подножия голубого ледника. Запахло снегом. Трофим глянул вниз и увидел, как Ладынский быстро поднялся по правой тропе и уже скрывался за склоном. В лагере их исчезновения еще никто не заметил. Какие-то солдаты в беретах прыгали с высоких бортов грузовика. Альпинист протянул Трофиму горнолыжные очки и каску со словами:

– Скоро солнце взойдет, ярко будет, и камни будут оттаивать с ледника.

«Не понимаю, – стал шептать про себя Трофим, оглядывая лагерь в розовом цвете очков, – почему, когда солдаты прыгают с бортов грузовика, автоматы, бряцая, издают не металлический звук, а какой-то глухой звук, звук чего-то складывающегося, чего-то комкающегося, что ли. Я заметил, что, если взять отдельные части автомата и стучать ими друг о друга, они будут издавать металлический звук; и гильзы будут издавать металлический звук, а автоматы – в сборе и патроны – в сборе не будут издавать металлический звук. Ничего удивительного, в автокатастрофе – при столкновении автомобилей, нет металлического звука, там тоже что-то складывающееся, сжимающееся, комкающееся. Но я держал в руках оторванный кардан и стучал по нему коренными вкладышами, рассыпанными по асфальту, – всегда получается металлический звук».

***

Ладынский наблюдал начало восхождения своих друзей, укрываясь за стеной минарета. Он дождался, когда большая собака спустилась обратно в лагерь, играя, волочила за собой его заслуженную рыбацкую куртку, и легким шагом пошел вверх по тропе. Его путь был правее, к старым заброшенным штольням. К его удивлению в них кое-где еще встречались фрагменты узкоколейки, обрывки кабелей и тросов. Вторая карта, нарисованная от руки, только с виду напоминала карту местности, а на самом деле это была карта той самой штольни, где когда-то, еще во время афганской войны, они с группой спецназа обнаружили запасы взрывчатки из арсенала английской геологоразведки. Ящики с динамитом и тротилом уложены аккуратными штабелями вдоль стен, оставался только узкий проход для движения дрезины. Пройдя еще с километр вглубь штольни в поисках какой-нибудь тележки, Ладынский вернулся к арсе-

налу, подумав, что это, пожалуй, и не понадобится: недостающую длину бикфордова шнура он выложит кирпичной дорожкой из тротилловых шашек.

Это не снег, это осколки льда, не поддавшиеся огранке даже в плотных слоях атмосферы, они набирают скорость в этом безвоздушном пространстве и царапают горнолыжные маски. «Если бы здесь был воздух! О, если бы здесь был воздух! Нам было бы, чем дышать», – думал Трофим.

На вдохе он поворачивался к ветру, на выдохе отворачивался от него. Выдохнуть навстречу ветру невозможно, ветер сильнее выдоха. Вдохнуть воздух из вакуума, который создает ветер в куполе каски, как в инжекторе, тоже невозможно – ветер сильнее вдоха.

На вдохе Трофим поворачивался к ветру, на выдохе – отворачивался от него. Ему уже не надо было дышать самому, искусственное дыхание в исполнении ветра возвращало ясность ума, просто достаточно поворачиваться, не отвлекаясь. Но ясность ума – это обман: Трофим начал следить за вдохами и выдохами, сбился с ритма и перепутал их местами.

Ветер душил недолго.

Ветер душил недолго, ровно до тех пор, пока он не коснулся земли всеми своими козырьками, хлястиками, шнурками, темляками, карабинами. Трофима размазало, как небрежный разноцветный мазок с мастерка импрессиониста на белом холсте снежного фирна, – прямо на тропе, сразу после крутого подъема.

А потом видимость исчезла. Оказывается, «ничего не видеть» это не означает «видеть черное». Оказывается, «ничего не видеть» можно, имея в распоряжении любой из цветов, любой, но только один; пока Трофим плавал в двух цветах: белый цвет означал, что он скоро упадет еще раз, а черный означал, что он уже лежит. Между ними был и красный и зеленый.

Альпинист вернулся к тяжело дышащему Трофиму и протянул ему кружку с горячим чаем: «Лежи, лежи, осталось буквально, двести метров до спуска».

Трофим защелкнул карабин в восьмерку, продел веревку и устремился вперед, к самому краю скалы, не натягивая веревку, как будто он готовился взлететь. Посмотрел вниз. Свободный конец веревки колыхался на ветру, слышны птичьи крики.

Через несколько минут Трофим успокоился и перевел взгляд вверх. «Пастор давно не стоял на лыжах», – подумал Альпинист, глядя, как Трофима накидывает петли и собирает очередную станцию. Через полчаса оранжевый рюкзак Альпиниста уже не был различим на белом снегу. Дышать становилось легче.

Скользя по последней веревке, Трофим с силой уткнулся в два спутанных узла. На всякий случай опустил рюкзак ниже на поясицу, попробовал перестегнуть карабин, но это было ему не под силу, узлы налились железом. До земли было еще пять метров. Лезвие ножа коснулось натянутой веревки, и Трофим ощутил неприятную вибрацию по всему телу. Перерезать веревку оказалось нелегко. Когда внешняя оплетка распустилась, Трофим еще оставался висеть на внутренних нитях, как на натянутых струнах. Он некоторое время остро чувствовал земное притяжение и вдруг перестал. Нож не понадобился, струны оборвались. Трофим с криком полетел вниз, отбросив нож, как парашютное кольцо.

Очнувшись, Трофим услышал стоны где-то рядом, совсем-совсем близко. Он приподнялся на руках, стал прислушиваться, медленно вращая головой, и только через время понял, что это его собственный стон. Трофим шел до реки, пытаясь не обращать внимания на невыносимую боль по всей правой стороне, и, дотянувшись рукой до ледяной воды, впервые потерял сознание. Очнувшись, Трофим несколько часов полз по склону и только по окуркам, кем-то брошенным в пыли, понял, что это дорога. Осознание близкой помощи лишило сил, и он снова потерял сознание.

***

Это был не взрыв, просто изгиб перевала ровной волной дотянулся до солнца, ускорив закат в этих местах на целый час. Грохота Трофим не слышал, он только успел подумать: «Товарищ майор, последняя веревка оборвана!» и снова потерял сознание.

***

– Пересадите мне бабочек на левое запястье.
– Я уже вам говорила, у вас там живого места нет.
– Который час? – спросил Трофим и улыбнулся, потому что на самом деле он хотел бы знать и месяц, и год, но задавать такой вопрос девушке это кокетство.

«Трамвай извиняется велосипедным звонком. Далекий от записи нотной фантом.
Кондукторы курят под красным зонтом. Улыбки на лицах. Пахнет дождем.
Подоконник весь в птицах».

***

Только-только начало темнеть. Вывеска гастронома своим ультрафиолетом затмила небесный ультрамарин. Парковку нашел не сразу. Все серое: все кошки, все машины, все водители, пешеходы. Фары трамвая, как стробоскопом, выхватывают отдельные лица из темноты. Из огромной красной машины вышла дама. Выражение ее лица не соответствует размерам машины. Ее сумка не соответствует пуховику, пуховик – сапогам. Она одета, как приезжая, поспешно надевшая все понравившееся разом. Она шлепает по лужам, с запозданием замечая блики под ногами. Видно, что ей все осточертело, пишется с большой буквы «О». Она бросает ключи в сумку, как в колодец, как в мусорный бак, как в черную воду, – навсегда. Трофим узнал Марину. Она зашла в аптеку. Посторонние наблюдатели могли бы ожидать неладное.

А Трофиму стало легко. Он знал только одного человека на земле, который мог так расстроить Марину.

– Жив, курилка! – воскликнул Трофим.

Он потянулся к радиоприемнику и одним движением вывернул ручку на полную громкость – самое начало Soldier of Fortune.

– Жив! Жив! – заорал Трофим в такт нарастающему звуку в колонках.

Елена Мызовская

Заходи в дом, дорогой

Теперь мне оставалось только ждать. Я выбрал его почти сразу: дерзкий ник, высокий рейтинг, открытый профиль, любит большие ставки. Чувак играет по-крупному, часто рискует, рвет куши, крутит реальными деньгами. Зарегистрировался давно, почти всегда в доступе. Представляю его за монитором: дрыщ под два метра, весь день в трусах, глаза круглые, как фишки. Девоч выбирает здесь же, на бегущей панели справа. На реал, короче, не отвлекается. Такого можно взять на амбициях. Прикинуться новичком и срезать в последний момент. Мастерства мне на это хватит.

Зары¹ любят меня. Тогда, в четыре года, я сам не понял, что натворил. Но с тех пор кости на моей стороне. Может, это была сделка? Наш двор на Лавровой. Нарине уже почти догнала меня, почти поймала. Ничего другого мне не оставалось: сорвав на бегу лоскут коры эвкалипта, я хлестнул крученой деревянной кожей сестру по лицу. Она вскрикнула, зажмурилась, засло-нилась руками. Выиграв секунды, я прыгнул в сторону через мамину клумбу и закатился под стол на веранде. Длинная фестончатая скатерть надежно спрятала меня от слезящихся глаз Нарине. Обхватив колени и замерев на холодном каменном полу, я слышал, как она звала маму. Когда голос ее стал глуше, тусклее, я решил приподнять угол скатерти. Самое время покидать убежище. Вдруг совсем рядом я услышал:

– Садись, садись, дорогой! Женщинам все равно не понять, – узнаю я голос дяди Гургена. Он садится за стол и под скатерть проникают его огромные темные ноги. Они обуты в стоптан-ные шлепанцы, черные волосы покрывают всю кожу ног, отчего мне кажется, что дядя никогда полностью не раздевается.

Кто-то еще садится за стол с другой стороны. По отдельным возгласам я не могу понять, кто это. Потом со стуком на стол ставится что-то большое. Затем я слышу, как два маленьких предмета один за другим падают и катятся по поверхности.

– Ты удачлив, Гурген. Но удача бывает переменчива, – пришептывает неузнанный голос.

– А, дорогой, – представляю, как дядя прищуривается, улыбаясь, – не говори под руку. С камнями надо уметь договариваться. И верить в них. Тогда они будут приносить тебе удачу.

Я люблю слушать, когда говорит дядя Гурген. Его слова, как спелый инжир: сладкие, обильные, запоминающиеся. Словно тысячи косточек смоквы, лопающихся и застревающих на зубах, слова дяди надолго оставались во мне, перекатываясь в голове воспоминаниями. Может быть, так происходило потому, что я не всегда до конца понимал, что значат его фразы. Загадочные обороты цепляли меня, и я долго их обдумывал.

– Подходи ближе, ближе, дорогой! Не стесняйся, ставь свои фишки в мой «дом». Я тебя тут, во «дворе», поджидаю, готовлюсь: строю «запруды».

Теперь маленькие предметы постоянно падали на крышку стола и со стуком по ней пере-катывались. Я вспомнил, как однажды отец взял меня с собой в горы. Мы поехали к его при-ятелю, у которого в садах росло много орехов. Они как раз спели, и он разрешил мне взять столько орехов, сколько я смогу поймать. Сын хозяина забрался на дерево, стал рвать орехи и бросать их вниз. Сначала я не мог схватить ни одного ореха. Они летели мимо меня и громко стукались о плитки, выстилающие двор. Я заметил, что отец перестал шутить и замолчал. Тогда я снял рубашку, ворот взял в зубы, а противоположные концы зажал в руках, растянув ткань в стороны. С этим капканом дело пошло веселее. Я наловил приличную кучу орехов,

¹ Зары – одно из названий игральных кубиков.

а в награду за сообразительность хозяин одарил нас еще бочонком меда. Сидя под столом и слушая дробь над головой, я вспомнил те орехи. Мне казалось, они снова падают на меня сверху, а я не могу их поймать. Но мне обязательно надо придумать, как их достать! Я не глупый малыш! Я приподнял скатерть и осторожно выглянул из своего убежища. В этот момент один орешек соскользнул со стола и упал на пол. Я быстро схватил его: в моей ладони лежал игральный кубик. Он жалобно смотрел на меня одиноким черным глазком. Мне показалось, что он тоже не хотел быть малышом, неудачником. Я быстро повернул его шестью глазками вверх, поставил на место и опустил скатерть.

– Нервничаешь, Гурген? Руки трясутся? Не можешь две кости ровно на стол выбросить?

– Что ты, дорогой! Это тебе надо нервничать – ты далеко зашел. Я при своих всегда останусь, а тебя игра крепко затянула. На столе лежит шесть. Давай погляди, что там на полу выпало? Я тебе доверяю.

– Рассчитаюсь и освобожусь, – зашептал голос совсем рядом со мной по ту сторону скатерти. – Шеш²! Шеш-гоша³! – вскричал он неожиданно громко. – Бог ты мой, кто же послал ему именно сейчас шесть-много?!

Только потом, повзрослев и начав самостоятельно выбрасывать и ходить, я понял, что тогда, подыграв зарам, случайно изменил ход событий. Что было в той игре на кону? Да ничего, наверное. Обычная партия: соперничество двух мужчин, из которого каждый хотел выйти победителем. Почему я придумал мальцом, почему до сих пор верю, что зары, как живые, могут принимать чью-то сторону, что я в той игре пошел им навстречу и поэтому они, не забыв услугу, в дружбе со мной? Да очень просто: тогда – детские задвижки, теперь – игровой настрой. Я программирую себя на победу. Вот и теперь, сидя за ноутбуком в съемной комнате в Мытищах, черт знает как далеко от нашего игрового стола в мандариновой роще, я верю в себя и в кости – они мне помогут. Изучив пару сайтов, предлагающих игры с реальными игроками и выводом наличных денег, я решил сыграть на этой платформе. Годный интерфейс, понятная система ставок, прозрачные списки игроков. Я зарегистрировался и стал выбирать соперника. Годзилла подходил для моих целей идеально. Теперь мне оставалось только ждать, когда он примет вызов. И он ответил: всплывающее окно в верхнем углу утвердительно моргнуло. Делаю сессию во весь экран. Доска раскрыта, фишки уложены в ровные столбцы у каждого во «дворе», лунки зияют в ожидании, кубики лежат на виртуальном ребре. Щелкаю по ним мышкой, разыгрываем первый ход. Мне выпадает чахар⁴, у него – пяндж⁵. Погнали!

Дядя Гурген рано научил меня играть в нарды. И в восемь лет я уже уверенно водил свои фишки по доске. Прибегая из школы, я часто заставал дядю у нас дома. Его всегда было много, и со всеми нами он успевал говорить одновременно: хвалил мамин плов, любовался платьем Нарине, торговался с папой, учил меня делать «запруды».

– Варган, ты не спеши любой ценой зайти к себе в «дом», – наставлял меня дядя, водя пальцами по доске, – тебе надо соперника суметь задержать, плацдарм выстроить для своих фишек. Тогда и в «дом» успеешь раньше него, и выведешь быстрее.

Я внимательно слушал дядины подсказки, но не успевал ими воспользоваться. Видя свободные лунки у дяди во «дворе», я торопился занять их, суетился, покидал в спешке свои позиции, радуясь, что приближаюсь к своему «дому».

---

² Шеш – шесть.

³ Шеш-гоша – шесть-шесть.

⁴ Чахар – четыре.

⁵ Пяндж – пять.

– Не мельтеши, Вартан, учись держаться достойно. Я смотрю, ты удачлив, сынок. Камни выпадают тебе знатные. Осмотрись, прежде чем продвигаться по доске. Не решай сгоряча. Соперник может сделать ложный выпад, приманить тебя легкой добычей, а ты гляди в оба, не поддавайся.

Мы сидели за круглым кованым столиком в нашей мандариновой рощице за домом. Тогда, в детстве, он казался мне очень крепким и массивным. Теперь я понимаю, что он был совсем не велик: доска для игры в нарды занимала его почти полностью, оставляя с боков узкие полулуны для сорванных мандаринов. Они в этом году поспели как никогда рано. Ветки, обсыпанные плодами, клонились к столу – год выдался урожайным. Я сидел на краешке стула, подложив школьный рюкзак себе под ноги, и думал, как перехитрить дядю.

– Посмотри, Вартан, какой край нам достался! – говорил дядя Гурген, откинувшись на спинку стула и разводя в воздухе руками. – Повезло родиться в таком благодатном месте! Море, зелень, фрукты, горы! Богатый край. А посмотри, какая у нас осень! Помню, один российский журналист, приехав в Абхазию, так сказал про нашу осень: «Она пришла и сбрызнула улицы налитыми виноградными гроздьями, наполнила дворы дубовыми бочками с чачей, развесила по садам смокву, киви, гранат, разбросала по земле, словно изумруды, горсти фейхоа».

Я привстал на рюкзаке, дотянулся до свисающего с ветки мандарина, сорвал его и положил рядом с доской, до следующего хода. Дядя улыбнулся, схватил ртом висящий рядом мандарин и съел его прямо с кожурой. Помню, как я удивился, когда первый раз увидел, что дядя так ест мандарины. Это был день моего рождения, мне исполнилось пять. И как всегда, самые вкусные фрукты в нашем саду еще не поспели: хурма и мандарины висели на ветках унылыми плотными зеленоватыми шарами, которые годились разве что только для обстрела случайно оказавшегося поблизости неприятеля. Я сидел на диване, дожевывал сладкий суджух⁶ (отец не любит, когда его называют чурчелой) и ждал праздничную мамалыгу. И тут распахнулась дверь, и в дом вошли дядя Гурген, тетя Ануш и их сын Сурен. Дядя нес за спиной огромный мешок, тетя еле удерживала в охапке какие-то кульки, а Сурен тащил две большие сумки. Сумки сразу отправили к маме на кухню, кульки разложили передо мной, а мешок дядя аккуратно положил на пол у своих ног. В моих кулках оказались алани⁷, пахлава и горы разных орехов. Дядя тронул ногой лежащий рядом с ним мешок, и из него покатались огромные спелые мандарины. Он поднял один, обтер о штаны и съел, не очищая. В тот день я узнал, что дядя Гурген стал владельцем рынка. Я сразу полюбил его новую работу. И тетя Ануш тоже. Пока я прыгал по кухне как бешеный, набивая рот то одной сладостью, то другой, она говорила маме:

– Бараму рынок перешел от отца. На все готовенькое пришел, но не сумел своим добром распорядиться. Мой милый оказался сильнее его, поэтому рынок теперь наш. И чего он обиделся? Не умеешь играть – не берись.

Я умею играть, поэтому я здесь. В Инете на игровых площадках, где можно играть на деньги, народ чаще соглашается на партию в короткие нарды. Для длинных нард партнера приходится выискивать специально. Здесь другие ставки, другой темп, другие риски. Пока Годзилла ведет себя аккуратно, снимает потихоньку с «головы», продвигается по лункам к «дому». Прощупывает меня, изучает. Я поднимаю ставку за выигрыш и провожу четыре в «дом». Он как бы невзначай, отвлекшись, открывает «двор». Время у меня есть, сейчас перехитрю его бдительность, а потом отыграюсь: и я увожу мою фишку из нижней правой лунки к нему во «двор». Годзилла отреагировал мгновенно: на экране всплыло окно с уведомлением, что соперник собирается увеличить ставку в три раза. Поверил, купился, принял меня за лоха.

⁶ Сладкий суджух – армянское лакомство, напоминающее грузинскую чурчелу (ядра грецких орехов, нанизанные на нитки и окутанные виноградной или абрикосовой массой). Особенностью приготовления сладкого суджуха, влияющей на вкус, является использование смеси трех пряностей (корицы, гвоздики, кардамона), не применяемых в чурчеле.

⁷ Алани – сушеные персики, начиненные грецкими орехами, изюмом и медом.

Гагры. Наш дом на Лавровой. Мне десять. Вчера в школе мы с Гогой попробовали травку. Отец выпорол меня прямо во дворе, не закрывая ворот, не говоря ни слова. Сегодня я не пошел в школу, потому что не мог сидеть. Зашедший к нам дядя нашел меня у эвкалипта: я стоял рядом с ним и жесточно драл с него кожу. Я был так зол, что дядя не решился предложить мне нарды.

– Подходящее время, чтобы научить тебя делать кинжалы. В жизни каждого мужчины наступает такой момент, когда для него это становится необходимо. Начнем с деревянных. Когда их освоишь, пойдем в кузницу делать стальные.

И дядя стал учить меня выпиливать клинки, выжигать инициалы на древке, бороться на ножах.

Я так и не понял, как это произошло. Но с какого-то момента дядя стал появляться у нас все реже, а тетя Ануш все чаще. Я был занят друзьями, улицей, школой и сам редко забегал к нему на рынок. В шестом классе мы с Гогой и Хачиком стали собирать в нашей школе мальчишек, которые интересовались кинжалами. Мы раскладывали их на столах, обсуждали достоинства, недостатки, выпиливали для настоящих клинков древки. Собираясь на очередную встречу, мы с парнями сидели на каменных ступеньках моего дома на Лавровой, грызли орехи, вдыхали бегущий из кухни запах шафрана и чистили наше оружие перед показом.

– Софа, ты не представляешь, какой он стал! – слышал я голос тети Ануш через открытое окно. Мама готовила ужин, а тетя обильно приправляла его россыпью жгучих слов. – Дом буквально разваливается, а он только отшучивается. Припоминает себе старые заслуги и играет дни напролет. Рынок совсем забросил. Семью забросил. Врет, все время врет. Кто бы мне сказал, что эта проклятая игра уведет у меня мужа, я бы в жизни не поверила. Завел дружков себе и сидит с ними целыми днями. Ты зови его почаще к вам в дом, пусть посмотрит, как нормальные люди-то живут.

Мы почти закончили, пора бежать на школьный двор, пора показывать свои клинки. Тетя всегда преувеличивает, ее слова надо делить на два и из оставшейся половины просеивать еще треть охов и вздохов. Но дядя и правда стал редко к нам заходить. Или я стал больше занят своими делами. В нарды я теперь играю с Гогой. Соперник, что надо.

А через год я провожал дядю в Россию. Пospели мандарины. К российской границе покатилося абхазское золото. Мы с ребятами тоже решили немного подзаработать. Муслим, наш приятель из кузнечной мастерской, раздобыл где-то убитую «девятку», мы забили ее под крышу мешками и дернули к границе. Припарковавшись в очереди на таможню, мы стали разведывать обстановку. Муслим разговорился с водителями, Гога пошел к пограничникам, а я двинул к пешеходному коридору. Могло оказаться, что быстрее и выгоднее перетащить мешки пехом, чем торчать в многочасовой автомобильной очереди. Сплавить их перекупщикам сразу после границы и уехать домой. В конце концов не фуру возем, с нашим количеством проще на руках перетащить.

– Дядя Гурген, ты чего здесь? – он стоял с сумкой в очереди на переход, второй от окошка.

– А, малой... – без прищуря отреагировал дядя, – в Ростов на месячишко. Подработать.

– Как тебя тетка отпустила-то? Сейчас по хозяйству дел... Мы вот мандарины возем. Подработать, – передразнил я дядю, по-дружески толкнув его кулаком в плечо. – А с рынком что? Все?

– Ты, вот что, Варган. Ты... с мандаринами это вы хорошо придумали. Наш край, он, сам знаешь, какой, только черпай. А мне сейчас быстрые деньги нужны, и много, я в Ростове знаю одно место. Заработаю и вернусь. Как же я без хозяйства, да и оно без меня! Месяц не расчет, ну два. Если дела совсем хорошо пойдут, месяца два меня не будет. Вернусь, все навестаю.

Над окошком в погранзону загорелся зеленый свет. Дядя обнял меня и прошел к окну. Ссутулившись, просунул документы в щель под стеклом, оглянулся на меня и приманил рукой.

- Варган, сходи отсыпь мне мандаринов.
- Я было побежал к машине, но дядя остановил меня.
- Сумку возьми.
- Да я тебе в горсти принесу, зачем всю сумку с вещами туда-сюда таскать.
- А ты вещи-то забери, там ничего важного нет, а мандаринов побольше принеси.
- Да ты чего?! Мандарины эти еще несколько месяцев будут, приедешь наешься. Вещи в чужом городе нужнее.
- Где рвали-то? В хозяйстве у Аушбы? По дороге на Рицу? Принеси, Варган, принеси мне полную сумку.

Годзилла сменил тактику и стал напирать. Ставка за выигрыши округлилась до серьезных цифр. Только бы интернет не крохнул! Я уперся руками в матрас, зажал в потной руке мышку и щелкнул по кубикам. В комнате, где я сейчас жил, было три кровати, два стула и шкаф. Стол уже считался роскошью. Чем больше спальных мест, тем дешевле аренда. Поставь стол, пришлось бы убрать кровать. Готовясь к игре, я сразу решил поставить ноут на кровать, а самому сесть на пол, подложив под себя сумку. Ноут у меня классный, с начинкой что надо. Только оранжевый. Потому что брал-то я его для Нели.

С Нелей мы стали встречаться в конце одиннадцатого класса. Почти лето. Почти свободны от школы. Почти все Гагры наши. Нет – вся Абхазия наша! Неля любит магнолии и панорамные виды. Я беру у Сурена машину и везу ее на дачу Сталина на Холодной речке. Дача построена в скале. На обрыве. Над Черным морем. Петляющая спираль горной дороги поднимает нас всё выше и выше. Я знаю, что по узкой асфальтовой полосе можно доехать прямо до дома, но Неля говорит мне оставить машину в кармане для экскурсионных автобусов и дальше пойти пешком. Она идет впереди и восхищается какими-то природными красотами, а я смотрю на ее бедра.

– Посмотри, какие величественные сосны! И как они вырастают в таких красавиц на неплодородной горной земле?!

– Да, красавицы, – отвечаю я, поднимаясь взглядом к поясице. Здесь фигура у Нели изгибается чуть сильнее, чем обычно бывает у девушек, что подчеркивает бедра еще больше.

– Я люблю сосны за их твердый характер. За силу духа, за выносливость. Им приходится трудно, но, вырастая, они получают бесценный опыт и всю эту красоту вокруг себя. – Неля наклоняется за шишкой, и я пытаюсь угадать по очертаниям на платье, в каких она трусиках сегодня.

Я подхожу ближе и притягиваю ее к себе:

– Давай не будем ждать конца августа – поженимся сразу после выпускного. Переедешь ко мне – родители готовы отделить нам часть дома, начнем жить самостоятельно. Работу я уже нашел, денег нам хватит.

– Ты здорово все придумал, но давай не будем менять планы, гости уже настроились на август. И потом, – она провела шишкой по моей спине, – я хочу продолжить учиться.

– Конечно, продолжишь. Я буду работать, а ты сиди дома и учись, в интернете все есть. Или занимайся чем-то еще, чем захочешь, рожай детей, купайся, загорай, рисуй. А я буду нас обеспечивать.

Я перехватил ее руку, забрал шишку и бросил чешуйчатый шарик в пропасть. Потом мы еще долго сидели на обрыве госдачи, целовались, мечтали.

Наконец, кончились выпускные экзамены. Несмотря на школу, я уже несколько месяцев работал в автомастерской. Там познакомился с чуваком, который пару раз перегонял машины из Германии. Интересная тема. Хочу хорошенько изучить этот вопрос. С Нелей мы видимся

почти каждый день. Мне кажется, мы знаем все друг о друге, чувствуем друг друга даже на расстоянии. Но вдруг совершенно неожиданно для меня она сообщает, что ей нужно поехать к сестре в Сухум. Какого черта! Скоро свадьба, она сама к нам приедет. Ах, оказывается, не сможет приехать, приболела, хочет увидеться и поздравить сейчас.

Неля нагнулась к чемодану и, прижимая голой коленкой крышку, быстро соединила половинки молнии в единую цепь. Я обнял ее сзади и прикоснулся губами к треугольнику обнаженной кожи, открывшемуся на шее в створках раскинутых волос. Она мотнула головой, убирая с лица волосы, встала, уклоняясь от поцелуя, и тут же прижалась ко мне сама, пробралась под рубашку, обняла. С улицы донесся продолжительный автомобильный гудок. «Заур, чертяка! Не мог опоздать!» Она замерла, как будто принимая решение, потом отстранилась, выскользнула из моих рук, и мы поехали на станцию. Она уезжает в Сухум. Я остаюсь в Гаграх. Зачем все так усложнять? Неля поднялась на подножку мешковатого неспешного сухумского поезда и, обернувшись, улыбнулась мне. Ветерок, угождая мне напоследок, взметнул воланы ее юбки, обнажив родимое пятнышко на загорелом бедре.

Это пятнышко похоже на песочные часы. Я представлял, закрывая его ладонью, что в этот момент останавливаю время. Хотел бы я сейчас дотронуться до ее бедра и крутануть часы назад. Не отпустить ее в эту поездку в Сухум. Не оказаться самому в этой комнате в Мытищах. Не биться по Сети с каким-то мутным дрыщом в нарды, а играть в свое удовольствие с дядей в нашем саду на Лавровой.

«Повидаться с сестрой» растянулось на две недели. Наконец она вернулась. На станции ее встретил отец, и мы увиделись с ней уже дома.

– Я должна тебе что-то сказать, – обдало меня с порога.

Я смотрел на нее, и внутри наливалось, разбухало, словно переспелая хурма на тонкой ветке, какое-то чувство неизбежности.

– Я поступила! Я поступила! – не дожидаясь моего ответа, затараторила она, хлопая в ладоши и слегка подпрыгивая.

– Скажи толком, что случилось? – как можно спокойнее спросил я.

– Милый! Все так удачно! Экзамены шли один за другим, нам сразу говорили результаты. У меня максимальный бал, я точно поступила!

Бывает пропустишь момент, когда хурма еще твердая, хрустящая, годная, не сорвешь ее, и она будет висеть на ветке, портясь, перезревая. Висеть, пока не случится катастрофа.

– Ты про какие экзамены, милая? Куда поступила?

Налитой шар хурмы сорвался с надтреснувшей ветки и полетел вниз.

– В Абхазский государственный университет, на исторический факультет, – гордо сообщила мне Неля.

Нежный плод грохнулся на асфальт. Тонкая кожица треснула, шар лопнул, и в луже собственного сока расплылась размозженная мякоть.

– Милый, я хотела сделать тебе сюрприз, поэтому ничего раньше не говорила. К тому же я ведь могла не поступить, а ты бы за меня переживал. Да, с сестрой я немного схитрила, на самом деле ездила сдавать экзамены.

Схитрила?! Соврала мне! Поступила втихаря в этот гребаный институт!

Все рухнуло, рассыпалось, мечты растеклись по асфальту. Соврала мне! Наши лопнувшие отношения еще можно было собрать... Уже нет: случайный прохожий, чертыхаясь, счищает с подошвы раздавленное тело.

– У меня сейчас дела, надо заехать к Сурену. Я пойду. Отдыхай.

Неля перестала прыгать, подошла ко мне и тихо обняла. От поцелуя я уклонился.

Никуда мне не надо было. И я пошел к морю. Сезон в самом разгаре, отдыхающие заполнили весь берег. Но я знаю тихие места, где мы с Нелей уединялись, когда еще были вме-

сте. Туда не так-то просто добраться: нужно перемахнуть высокую бетонную стену, раздвинуть тугие ветки кустарника, перелезть через волнорез. Оказавшись на нашем месте, я, наконец, мог выпустить злобу, обиду, негодование наружу. Мелкие и крупные камни полетели во все стороны. Полезла в университет! Зачем? Чтобы был повод пропадать в другом городе, в общежитии, тусить с кучей незнакомых парней! А потом чтобы не заниматься домом, хозяйством – она же на работе! Я выбирал глыбы покрупнее, замахивался и отправлял беспорядочно в разные стороны, стараясь закинуть их как можно дальше. Немного успокоившись, я сел поближе к морю, набрал мелких камешков и стал бросать их целенаправленно в воду. Они легко поскакали по поверхности, оставляя за собой воронки. Или она думает, что я не смогу ее обеспечить? Она думает, что я буду мало зарабатывать, нам не будет хватать на хозяйство и поэтому пошла учиться, чтобы потом работать? Я должен доказать ей, что могу получать достаточно денег. Где же взять быстрые деньги? Быстрые деньги! Дядя тоже так говорил, уезжая. Ему нужны были деньги, и он поехал в Ростов. Как оказалось, он тогда никого не предупредил, и я первый сообщил новость о его отъезде. А я еще удивлялся, как тетя его отпустила. Конечно, не отпустила бы, стала бы уговаривать, умолять остаться. И дядин план не осуществился бы. Но мужчина сам должен принимать решения. Люди поговаривали, что дядя проиграл крупную сумму и не смог расплатиться. Он уехал, чтобы отдать. С тети Ануш кредиторы не стали требовать, это мужские дела. Через какое-то время дядя стал регулярно переводить домой деньги. Он звонил, рассказывал, что нашел хорошую работу, что дела его с каждым днем идут все лучше и лучше и что скоро, совсем скоро он сможет вернуться. Прошло три года с того дня, когда мы прощались с ним на границе. Я знал, что после Ростова он работал на олимпийских объектах в Сочи, а потом и в Москве. Да, его отъезд затянулся, но я не буду терять время на поиски места, где заработать, я сразу поеду в Москву. Вожу я профессионально, международные права у меня есть, устраюсь таксистом. Заработаю прилично денег и вернусь к Неле. Ноут, который купил для нее и хотел подарить в день свадьбы, возьму с собой, потом получит все сразу. Она увидит, на что я способен. А институт можно и бросить.

Москва оказалась больше, громче, стремительнее, чем я мог представить. Хорошо, нашелся земляк, который помог с жильем, арендой машины и деньгами на первое время. Я впрягся в работу и быстро понял, что тягаться с этим городом будет непросто. Чтобы отдавать каждый день ренту и оставаться в плюсе, приходилось возить клиентов и ночью. Спал несколько часов прямо в машине и снова включал программу поиска пассажиров. Быстрые деньги появлялись и тут же пролетали сквозь пальцы. Еле-еле закрыл первый месяц: сто тысяч отдал только за аренду машины и койки. Сто тысяч в никуда!

Ладно, с машиной клевый был план, но кое-какие нюансы я не учел. Сдаваться, возвращаться ни с чем я не собираюсь. О возвращении без денег вообще не может быть и речи. Я научусь жить в этом городе, прощупывать его жирные места и выжимать из них золотой сок. Вот и Нелькин ноутбук пригодился для дела. Вожу его все время с собой, чтоб не сперли из комнаты, но на серьезную игру с реальным противником выхожу только с домашнего интернета.

Годзилла понял, что я прикидывался простачком. Кости теперь выбрасывает размеренно, всякий раз обдумывая очередной ход. С каждым броском ситуация на доске мне нравится все меньше и меньше. Черт, мне это совсем уже не нравится! Он заводит последние фишки к себе в «дом» и следующим ходом начнет выводить их наружу. Зары, миленькие, не подведите! Сейчас самое время быть за меня. Я столько сделал, чтобы приблизиться к моей цели! Я заслужил эту победу, она должна быть моя. Пока этот папочкин сыночек протирает трусы у компа, я дни и ночи корячусь, зарабатывая на жизнь. У него тут все

устроено: квартира, место в офисе, запонки на манжетах, суп на столе. А мне приходится выгрызать крошку за крошкой, чтобы тут продержаться и что-то сверх заработать.

В тот день, когда дядя уехал, я вернулся домой уже ночью. Мандарины все сбыли, но пришлось потолкаться на границе. Я тихо открыл дверь и, стараясь никого не разбудить, стал пробираться к себе. Но мама и так не спала.

– Гурген куда-то делся.

– Да? – зачем-то удивился я.

– Ануш прибежала час назад. Говорит, домой не приходил. Взяла у нас фонарик, сказала, что пойдет поищет его на рынке. Говорит, тосковал он как-то особенно в последние дни, мог захотеть походить ночью по рынку, вспомнить, как при нем там все было.

– Да ладно, будет он такой фигней страдать. Не такой он человек, чтобы сопли по прилавку размазывать. Он человек дела: решил и уехал. Звони тетке, пусть спать идет.

Мне почему-то тогда казалось, что дядя легко уехал. И легко мог вернуться. Сейчас думаю, не все так однозначно было. Почему он не рассказал мне? Почему ничего не объяснил на границе? Если б я знал, может, не увяз бы здесь...

Но черт, черт, как все плохо! Надо сосредоточиться, надо вытянуть эту партию. Мне нужно выбросить шесть-шесть. Только шесть-много, иначе все пропало! А этому дрыщу везет: дупли прямо идут к нему в руки. Так, что-то пишет мне в окне для сообщений, мудила: «С камнями надо уметь договариваться». Умник! Умник... Что?! Как же так... Как?! А говорил: «хорошая работа...», «дела все лучше и лучше...», «скоро вернусь...» Тетка ведь как больная ходила после его отъезда, еще прядь эта седая... Вообще, она сильно постарела с тех пор, как он уехал. Сейчас уже вся белая, хотя не на много старше моей матери. По сравнению с мамой выглядит просто бабкой. Как же она сдала после его отъезда! А он? Что он делал все это время? Зачем...

Неля, наверное, плакала, когда я вот так взял и сорвался с места. Не предупредил ее, не позвонил. Чего уж там – просто сбежал. Не смог ее понять и сбежал.

Сколько раз, играя с дядей, я замирал над доской на этих последних шагах! Теперь он, ссутулившись, ждет, что я выброшу. Что эс, щелкну по кубикам и вырублю сессию, не буду смотреть на результат. Как бы там ни было, на билеты мне хватит.

Ольга Барина

Вишневый компот

Машка медленно открыла глаза. На соседней кровати из-под скомканного одеяла выглядывала черная пятка Сеницыной. «Вот свинья», – подумала Машка, лениво повернулась на левый бок и прислушалась к утренним звукам четвертого отряда пионерского лагеря имени Лизы Чайкиной. Отряд сопел и похрапывал.

Пионерский лагерь стоял на балансе Шестого швейного комбината города Москвы. Машкина мама работала закройщицей в Общесоюзном доме моделей одежды на Кузнецком мосту и отправляла дочь каждый год на три недели под Подольск. Остальное время летних каникул Машка проводила в далекой деревне под Свердловском у бабки по маминой линии. Так получилось, что папиной линии в ее жизни не было. Мама родила от женатого коллеги, которого Машка видела всего один раз, уже после развала Союза. Он выезжал в Израиль, и мама должна была передать ему какие-то бумаги. Машка проследила за ней до кооперативного кафе на Калининском и через стекло витрины разглядела черноволосого коренастого мужчину. Машка решила, что он некрасивый и толстый. От него у нее не осталось на память ничего, кроме горбинки на носу и вьющихся темных волос. В конце девяностых, когда мамы не станет, отец вдруг начнет присылать ей длинные письма, звать к себе в гости, пытаться объяснить про маму, Машку и него. Машка будет их читать, но ни на одно не ответит. Года через три письма закончатся. Так она поймет, что чужого коренастого человека не стало.

– Ма-а-аш! Ма-а-аш! – зашипела Ленка Зюкина, лучшая Машкина подружка, с которой они познакомились еще в самую первую смену несколько лет назад.

– Не спи-и-ишь? – Ленка шептала так громко, что Сеницына начала ворочаться и спрятала черную пятку под одеяло.

Машкина мама Зюкину недолюбливала. У зюкинских родителей была трешка в кирпичном доме, пятерка «жигули», дача в Жаворонках и видеомагнитофон в чешской стенке. А Машка обожала Зюкину за то, что та была веселой и доброй.

Через десять лет, когда Машка поступит на вечерку в Финансовую академию, Зюкина пристроит ее к своей матери в фирму. А когда на последнем курсе Машка залетит от первого своего тогда еще не мужа, отговорит Машку от аборта. Зюкина будет работать в МИДе, гонять по командировкам, откуда будет привозить Машкиным дочерям кучу красивой одежды и игрушек. А еще через много лет, когда Зюкину будут хоронить в закрытом гробу после аварии на сороковом километре Киевского шоссе, Машка только и сможет подумать сквозь слезы, что Ленка ее единственный настоящий друг. После Зюкиной подруг у Машки больше не будет.

С улицы сквозь открытые настежь окна донеслись звуки горна. Зюкина не выдержала и тоненько запищала:

– Подъем, подъем! Кто спит, того уьем! Кто лежит – того повесим! Подъем, подъем!

Машка прыснула и начала искать на стуле майку и шорты.

После зарядки и быстрой уборки палат все отряды потянулись к большому одноэтажному зданию со старой облупившейся надписью «Столовая». На завтраке к Машке подсел Шмакин, быстро откусил от Машкиного бутерброда и предложил не ходить на спортивные секции, а встретиться после завтрака у клумбы и обсудить «кое-что».

– А Зюкину можно взять? – Машка побаивалась Шмакина и одна идти на встречу не хотела.

– Нужно! – бодро ответил Шмакин и вразвалочку пошагал к своему столу.

Через много лет Шмакин станет олигархом, отожмет у рабочего коллектива небольшой актив в средней полосе, прикупит на деньги знакомых банкиров еще пару-тройку загибающихся заводов и выстроит неплохой бизнес. Ударится в православие, женится на молоденькой девушке из нужной семьи, родит пятерых детей, одного за другим, купит квартиру на Остоженке, загородный дом по Рублево-Успенскому, дачу в Италии, квартиру в Лондоне, а потом вдруг решит, что устал делиться. И не поделится. Машка не сразу узнает на фото в интернете в хмуром, заросшем щетиной человеке своего Шмакина. Того, смелого и наглого, из восьмидесяти четвертого года. И только между делом скажет старшей дочери:

– Смотри, Поль, это же Шмакин, мы с ним в детстве вместе в пионерлагере трубили.

Шмакину придется оттрубить пятнадцать лет строгача.

Минут через десять после завтрака у большой клумбы, усеянной вонючими ноготками, собрались пятеро: Машка с Зюкиной и Шмакин с еще двумя мальчишками из отряда – толстым верзилой Бубиным и очкариком Лейбовичем. С Лейбовичем никто в отряде, кроме Шмакина, не дружил, потому что Лейбович был вундеркиндом и в восемь лет уже имел второй разряд по шахматам.

– В общем, ребза, есть маза, – медленно протянул Шмакин, – давайте играть!

– Во что? – спросили хором Машка с Зюкиной.

– В мушкетанцев! – с пафосом ответил Шмакин, выдвинув вперед правую ногу.

– Мушкетеров, – тихо поправил Лейбович.

– Кого-кого? – Зюкина почесала веснушчатый лоб.

– Зюкина, ты будешь Миледией! – быстро сориентировался Шмакин, Лейбович молча закатил глаза.

– А что это, вообще? – спросила Машка.

– Это книжка такая, французского писателя. – Лейбович поправил круглые очки в черной оправе.

– Мы не читали! – гордо выпалила Зюкина. – Да, Маш?

Машка не читала, но ей было стыдно перед умным Лейбовичем, и она промолчала.

– В общем, правила простые, – продолжил Шмакин. – Ты, Машка, будешь Констанцией, моей возлюбленной, я буду Д'Артаньяном, Лейбович – Кардиналом, Бубин – Партосом, а больше мы никого звать в игру не хотим.

– А я? – надула щеки Зюкина.

– А, да, Зюка, повторяю для тупых, ты будешь Миледией и отравишь Машку – Констанцию компотом. Мы с Лейбовичем все продумали, на обеде сегодня вроде вишневым будет. Вторник же? – И Шмакин вопросительно посмотрел на ребят.

– А если я не хочу? – спросила недовольно Машка.

– Ну, давай ты будешь Миледи и отравишь Зюкину, которая будет Констанцией Бонасье? – примирительно начал Лейбович.

– Ну уж нет! – Зюкина пошла на таран. – Первое слово, Лейба, дороже второго! Я – Миледия, Машка – Монпансье!

– Бонасье! – Лейбович почти шептал себе под нос.

– Вот-вот! – Зюкина победно оглядела поле битвы.

– Ладно, ребза, – сказал Шмакин, – в течение часа мы с Констанцией и Партосом прячемся от вас. За территорию лагеря не заходить! А вы нас ищите. Тихий час мимо. – Лейбович заметно поморщился, но промолчал.

– Это чего, обычные прятки, что ли? – Миледи – Зюкина не унималась. Машка лягнула ее под зад коленом.

– Обычные, Зюка. Не нравится – вали. – Шмакин показал Зюкиной розовый бледный язык. Зюкина надулась и отвернулась.

– Ладно, народ, разбегаемся! – скомандовал Шмакин и первый дернул в сторону спортивных площадок. Машка с Бубиным побежали в сторону клуба, а Зюкина с Лейбовичем остались стоять у клумбы. Они были назначены злодеями, и им никуда не надо было спешить.

Лейбович станет третьим Машкиным мужем. Он встретит ее на какой-то региональной айтишной конференции, куда приедет рассказывать о big data. Не узнает в тощей, коротко стриженной девице Машку. Хромой, лысый еврей, уведет ее за один месяц от мужа, увезет с детьми в США, купит для всех большую квартиру с видом на море, а себе оставит в ней маленький кабинет с тремя компьютерными экранами. И будет кудахтать над Машкой и всеми ее цыплятами, как над своими. Бесхарактерный очкарик, шахматист. Своих детей у них так и не будет. Ничего не выйдет. И эта пустота и несбыточность надолго встанет между ними. А потом вдруг, почти на развалинах брака, они усыновят ребенка из Лаоса. Отдадут его в еврейскую школу, научат зажигать Хануку и есть яблоки с медом. И заживут как будто заново. Ну а что, мало ли, Пушкин вон, великий русский и наше все, был же эфиопом, почему не может быть еврей из Лаоса?

Машка бежала по асфальтовой аллее мимо гипсовых пионеров с горнами и барабанами, а за ней пыхтел толстый Бубин. У клуба она сбавила ход и начала искать надежное укрытие.

– Маш, кусты! – Бубин указал на заросли сирени под окнами желтого облупившегося здания. Ребята нырнули под ветки и затихли.

– Анна Арнольдовна, вы слышали о проверке? – вдруг донеслось из открытого окна.

– О какой, Сан Сергеич? О чем вы?

– Аня, в соседнем лагере, в «Метеоре», проверка по недостаткам продуктовым. Мы на очереди!

– Спокойно, Саша, я Дубровский! Чего ты всполошился?

– Ань, я сесть не хочу! Прикинь? Тебе это игры, что ли? Ты когда мясо на сторону сбываешь, тебе потом решетка и баланда не снятся?

– Сань, ты тон-то сбавь! Чего ты истерику мне тут устраиваешь? Я на должности своей, слава богу, уже пятнадцать лет, и ни одного выговора или взыскания.

– Ань, ну это же все до поры до времени. Ты не слышала, что там Черненко начал новую борьбу с этой, как ее, теневой экономикой?

– Санька, ну ты брось! Я тертый калач. Я при Брежневке торговала, при Андропове торговала и при Черненко торговать буду! И ни одна сволочь меня не раскулачит просто так. У меня же все в районе схвачено. Ну ты чего! Отдыхай, играй на своем баяне детям «То березка, то рябина», или что там у вас, держи ухо остро и не волнуйся. Лидке и детям привет передавай, кстати, давно она мне не звонила.

Бубин неожиданно подпрыгнул и громко чихнул. Голоса затихли. Машка что есть силы припустила в сторону перелеска, за которым начинались озера и воинская часть. Она ничего не поняла из услышанного, кроме того, что слышать ей это было нельзя. Бубин отстал. Машка сбавила ход и медленно побрела по песчаным кочкам, усеянным голыми стебельками земляники, осторожно вглядываясь в просветы между ровными сизо-коричневыми стволами. Никого не было видно.

Бубин – Партос закончит школу и не поступит в институт, уйдет служить на флот. После окончания службы останется где-то во Владике, начнет фарцевать, гонять подержанные праворульные тачки. Женится, родит сына. Потом его малый бизнес обанкротится, он пойдет в рэкетеры. В порт. Брать калым с каждого частного груза. Плата не всегда будет деньгами. Так он подцепит ВИЧ. Узнает о диагнозе жена через несколько лет, когда будет беременна вторым ребенком. Она разведется с Бубиным, заберет детей. Бубин проживет еще лет семь, женится второй раз. А потом они с женой случайно сторят ночью в старом деревянном доме. Но Машка и остальные об этом никогда не узнают.

У озера Машка заметила старший отряд. Она тихонько опустилась на коленки в прибрежных зарослях за пляжем и начала разглядывать веточки и травинки. Игра в мушкетеров была скучной.

– Что ты хотела мне сказать? – голос высокого белобрысого вожатого звучал жестко.

– Миша, в чем дело? Ты со мной в игру какую-то играешь? – Пухленькая библиотечкашарша Людмила Александровна опустилась на песок рядом с плечистым пловцом, вожатым старшего отряда.

– Ты сама вызвала меня на разговор. Я слушаю.

– Миша, я хотела спросить, почему ты больше не заходишь ко мне и не остаешься? – Тут голос библиотечкашарши качнулся, треснул и задрожал.

– Люда, ну не могу я, то одно, то другое, слушай, я же тебе ничего не обещал, что ты прицепилась! – Вожатый Миша нервно дернул левым плечом.

– Миша, у меня задержка, – почти крикнула Людмила Александровна. Миша быстро встал на ноги, стряхнул песок с загорелых крепких ног и молча отошел по берегу метров на десять. Отряд с гиканьем плескался на мелководье. Людмила Александровна медленно поднялась и, заплетаясь, побрела по песчаной тропинке в лес. Машка, не боясь быть обнаруженной, побежала за ней. Догнав, перешла на шаг и молча засемила следом. Плечи библиотечкашарши ходили ходуном. Потом она вдруг встала как вкопанная, Машка от неожиданности врезалась ей в мягкую спину, и обе закричали.

– Девочка, ты кто? – Сквозь всхлипы Людмила Александровна смотрела мутными глазами на Машку.

– Я Маша Смирнова из четвертого отряда, я у вас книжку брала на этой неделе, «Витю Малеева». – Машка переминалась с ноги на ногу.

– А-а-а... – Людмила Александровна вдруг громко разрыдалась.

– Что у вас случилось? – Машке было жаль низенькую полную библиотечкашаршу. Машкина мама тоже часто так плакала по вечерам, запиралась в ванной, включала воду, но Машка все слышала.

И тут Людмила Александровна начала рассказывать маленькой восьмилетней девочке и о Мишке-вожатом, и о том, как у нее, Людмилы Александровны, осталась несчастная любовь в Москве, четверокурсник из Бауманки, и как Мишка перестал с ней общаться, потому что на него обратила внимание Лерка, тонкая и звонкая повариха из пищеблока, а она вот беременная. Машка стояла с круглыми глазами и открытым ртом.

– У вас будет ребеночек? – еле выдавила из себя Машка.

– Не знаю, наверное. – Людмила Александровна вдруг запнулась, сзади них на тропинке послышался топот ног. Это бежали Кардинал – Лейбович и Зюка – Миледия. Машка дернула в ближайшие кусты орешника и галопом поскакала в сторону столовки.

На обед никто из компании не явился. У столовки Машка встретила Шмакина и Бубина, которые смастерили себе самокрутки из осоки и самозабвенно курили их, выдувая вонючий сизый дым. Прятались они втроем от Зюки с Лейбовичем до самого вечера. А потом уже перед ужином, когда терпеть голод не было мочи, игру пришлось остановить. Потому что было понятно, что эти двое придурков никогда никого не найдут, а если и найдут, то не догонят. Машку так и не отравили компотом, а Зюкиной не отрубили голову. За ужином, уплетая тефтели со склизкими макаронами, Шмакин признал, что идея игры в мушкетеров провалилась и пообещал придумать что-то более интересное.

– Может, в «капитана Немо»? – проямлил Лейбович.

– Угу, а Зюка будет «Наутилусом», будет бороздить просторы озера, буль-буль-буль! – Шмакин, довольный своей шуткой, громко заржал. Зюкина не услышала, она жадно жевала бутерброд с маслом и клубничным джемом.

Тем вечером Людмила Александровна вернулась к себе в комнату и, не ужиная, легла спать. Утром явилась к директору лагеря и написала заявление по личным обстоятельствам. До станции добиралась пешком, шла с рюкзаком за плечами больше часа. Там села на электричку Подольск – Москва и к обеду была на Курском вокзале. Позвонила матери на работу и сказала, что вернулась, что все хорошо, чтобы та не волновалась. Мать работала в Балашихе на кирпичном заводе, далеко от дома, и потом в показаниях постоянно путалась во времени. То ли в час дня Людка ей звонила, то ли в два, она, вообще, мало что могла толком объяснить. Тихонечко плакала и повторяла, что феназепам бабкин, бабка в деревне, а пачки оставила в городе, потому что там у нее есть еще. «Наверно, по ошибке, по ошибке!» – твердила она раз за разом. Милиционеры обходили ее молча, не трогали. А что тут скажешь? Даже если и по ошибке.

Юлия Комарова

Дерево игры

Небо смотрит на меня исподлобья – проглядывает красным испитым глазом солнца сквозь низкую темно-синюю тучу. Считается, что закат везде хорош, на море особенно. Краски сгущаются, как будто завершение дня должно поставить жирную точку, вынести окончательный приговор. И каков он был, мой день?

Платон не пришел. Обещал встретить меня на станции и не встретил. Я предвкушала, как это будет. Глупо воображать, придумывать и домысливать. У меня никогда не получалось. Всегда в жизни все по-другому. Это вам не шахматы.

Я специально приехала, чтобы с ним встретиться на Финском заливе. И вот – закат, солнце, небо. Серая стылая вода. Море и правда свинцовое. Небо мрачное, и никакого желания окунуться или тем более проплыть. А я стою на берегу, как в детстве, той серой холодной зимой, когда папа ушел, и море впервые на моей памяти замерзло у берега. Ничего у меня не вышло. Никогда ничего не выходит.

Наш с Платоном едва зародившийся особенный собственный мир оказался таким же недолговечным, как шахматная партия: фигуры сметены с доски, уложены в коробку. Он не пришел. Солнце село где-то глубоко внутри тучи. Небо с морем слились в один мрачный одинаково скучный цвет...

Но нет! Тучи раздвинулись. Неожиданное солнце выплеснуло самый последний теплый и ласковый луч прямо на вытянутую фигуру Платона, бегущего на фоне аристократических розовых стройных сосен по розовому же песку. Он машет мне и что-то кричит.

Классная картинка. Я на автомате достаю камеру: надо это снять, очень красиво. Такой обалденный свет! Тут бы другой объектив, да ладно. Так, поймала изображение. Картинка скачет и плывет. Да что такое? Руки дрожат... Ну все, хватит. И я просто опускаюсь на этот чужой холодный песок.

Когда я впервые его увидела, Платон сидел спиной к окну – в сумерках лица было не разглядеть. Зато я услышала его голос, низкий, мягкий, спокойный. Я даже не поняла слов, просто внутри стало тепло и вязко. Я села и весь вечер слушала. Я могла бы и всю ночь, но он ушел. А я не взяла телефон, дурочка. И что было делать?

Я пошла в Русский музей. Папа говорил: «В любой непонятной ситуации надо просто посмотреть на что-то красивое, и станет легче». Я всегда зависаю у Куинджи: вот как он умудрился так нарисовать эту лунную ночь, что тебя затягивает, поглощает пространство, гипнотизирует луна? Почти такой же эффект в фильме «Меланхолия», когда героиня там ночью загорает. Я бы хотела так нарисовать – в детстве мечтала стать художником. А стала фотографом.

Там мы с Платоном и встретились. Стояли рядом какое-то время, а потом увидели друг друга и рассмеялись. Обрадовались. Сразу показалось, что мы знакомы сто лет – всю жизнь. Он был очень высокий и светлый, прямая противоположность папе, невысокому, чернокудрому и бородатому. Папа был похож на итальянского актера или певца. Платон в своих смешных очках, с нечесаными включенными волосами – на безумного ученого. И он не любил шахматы. Это было первое, что я у него спросила, когда мы вышли из музея. Платон закурил очередную сигарету и удивленно посмотрел на меня, щурясь от дыма:

– Знаешь, я не играю, как-то не в кайф. В детстве еще ничего. Лет в тринадцать клево было. Помню, играл, мог заглянуть на несколько ходов вперед. А потом садишься за доску, а у них – дебют, гамбит. Ну не знаю – какой смысл все время разыгрывать одни и те же партии? Выигрывает тот, кто вызубрил больше вариантов.

– Ну нет, ты не понимаешь! Шахматы – это психология. И даже с элементами манипуляции. Не смейся. Я серьезно. Это такое мощное лобовое столкновение двух личностей! Нужно видеть противника насквозь, прочесть его мысли, угадать его ход. И не переоценить противника, хотя плохо и недооценить. И главное, ты должен быть уверен в себе, ты должен верить, что найдешь верное решение. А для этого надо прочувствовать соперника, залезть ему в голову! И только после этого можно делать свой ход. Например, я зашла на детский мат, ты понял мой замысел и защитился, а если я отвлекла тебя гамбитом и перешла к детскому мату не третьим, а седьмым ходом? То есть, запомнив мой маневр как детский мат, ты не допустишь мысли о нем даже после десятого хода. А после двадцать пятого? Это не зубрежка, это чтение игры! – Я разволновалась и говорила много, и понимала, что он не ожидал такого разговора.

– Ого! – выдохнул он дым. – Так ты профи?

– Ну, как сказать. Скорее нет. Сейчас мало играю. Я еще в детстве стала перворазрядницей. Подтвердила разряд в борьбе с взрослыми шахматистами. При этом редкий дебютный вариант я знала хотя бы на семь-восемь ходов. С другой стороны, я иногда сейчас встречаю игроков, которые знают дебютных вариантов намного больше, чем я, но играют слабее. Значит, дело в чем-то другом, а не в простой зубрежке.

Платон молча затянулся и задержал дыхание. А я зачем-то добавила:

– Играть можно в любом возрасте, но понять шахматы – это совершенно другое. Даже поражение может тогда принести радость. Главное – почувствовать игру, войти внутрь.

Он внимательно смотрел на меня, выпуская дым в сторону, и ничего не говорил. Но меня уже понесло:

– Я тут поняла одну вещь. Про дерево игры. Хочешь, расскажу? Суть вот в чем. Знаешь ведь Роберта Фишера? Мой кумир. Он практически до чемпионства признавал только открытые дебюты, то есть то, что впитал с детства. И дерево, выращенное с поля е-четыре, он знал в совершенстве, он мог любого запросто затянуть на сухую ветку и опустить на землю. Что такое дерево игры? Это последовательность ходов, в которой ты знаешь все входы и выходы, все сухие и живые ветви партии. Сильный шахматист может вырастить достаточно деревьев. Какие-то ветви игры ты можешь изучить лучше и оживить или засушить их. Я не чемпион и не гроссмейстер, но свое шахматное дерево вырастила и вот уже много лет поддерживаю его. Это дебютная система, позволяющая переигрывать даже самые сильные шахматные программы. Чтобы вырастить такое дерево, нужно долгое время вести игру в одном направлении, запоминая все живые и мертвые ответвления.

Я смотрю на Платона снизу вверх и пытаюсь понять, как он воспринял то, что я сказала. Платон затягивается глубже и выпускает дым смешным хоббитским колечком:

– А не хочешь ли прогуляться на крышу? Я покажу тебе трушный Питер.

Родители развелись, когда мне было одиннадцать. Я ничего не подозревала. То ли они не позволяли себе выяснения отношений при ребенке, то ли долгих разборок не было. А может, я поставила на картинку фильтр и не замечала очевидного. Но папа ушел, а мама сказала, что он плохой. Я ее не слушала. «Потому что я его люблю!»

Однажды он пришел к нам домой, когда никого не было, и забрал все драгоценности, а с ними и свой подарок мне на десятилетие: волшебную шкатулку из Индии. Там на красном бархате в лунках лежали камни: сапфир, аметист, гранат, берилл, лунный камень – один обработанный, другой необработанный, такой весь в чешуе, как рыба. Я любила перебирать их, называть вслух имена, смотреть на просвет – на то красивое, что запрятано внутри.

Мама сказала: «Вот видишь, Дина!» И я поняла, что теперь ничего не будет – ни поездок в горы, ни ночного моря, ни мидий на костре, ни папиных веселых друзей, ни музыки. На ночь он ставил мне пластинки с классикой, считал, что это единственное разумное средство от моей бессонницы. Проигрыватель он тоже забрал.

Но коробку с шахматами папа мне оставил. Я все просила его научить меня играть, следила внимательно, как он переставлял фигуры, когда играл с друзьями. Он играл черными и всегда выигрывал. Однажды, лет в пять, я взяла белую фигуру коня и раскрасила его маминым красным лаком, типа конь погиб. Папа смеялся и стирал «кровь» растворителем: «Сейчас мы устроим купание красного коня!» А потом я долго рассматривала ту самую картину в альбоме. Этих альбомов у нас была целая полка. Вот тогда я захотела стать художницей.

А на самом верху стеллажа лежали журналы «Плейбой» – на самой высокой полке, чтобы я не дотянулась. Поэтому приходилось звать соседа Сережку, он был длинный для наших семи лет. Мы рассматривали все это с искренним удивлением. Конечно, я видела голых мужчин и женщин в музеях, в альбомах с репродукциями картин, но там пропорции и позы были совсем другие. Мы даже сравнивали специально, и Серый сказал, что лучше быть художником, чем фотографом. Я была с ним абсолютно согласна. А потом ему запретили со мной играть. Больше друзей у меня не было.

Все детство я училась играть в шахматы – сама. Сначала я просто расставляла фигуры и вела пространные диалоги, перемещаясь по клеткам как попало. А потом поняла, что фигуры двигаются не случайно, что в этом-то и заключается смысл. Нельзя ходить конем, если ты ферзь. Это открытие было сродни открытию нового идеального мира, в котором все точно расписано, предусмотрено, стабильно. Не то что у нас. Мне хотелось удивить папу – сыграть с ним, пусть даже он выиграет, пусть. Главное, чтоб он увидел, что я умею. Но он всегда отмахивался: некогда. Не хотел тратить попусту время. Зато когда он играл с друзьями, я стояла и смотрела.

Я не знала, что такое атака пешечного меньшинства и довольно слабо знала варианты защиты Каро-Канн. Но уже помнила все основные тактические приемы, умела находить в партиях два-три ходовых удара, понимала важность открытых линий, форпостов и других позиционных элементов. Может, в этом ключ? Может быть, стоит папе узнать, что я понимаю игру, и он посмотрит на меня внимательно и серьезно, как он смотрит на своих друзей? Не будет смеяться, а взъерошит свои густые волосы и будет долго-долго думать над ходом.

Когда родители развелись, я заболела. Так и прошел весь этот дурацкий пубертат – меня все время лечили непонятно от чего. Коробка с шахматами всегда лежала рядом с моей кроватью. Шахматы всерьез занимали воображение – стали единственной игрушкой. Мне казалось, что это приближает меня к мечте, к цели, к чему-то реально стоящему. Я следила за чемпионатами мира, искала разыгранные партии. И только шахматы были мне интересны.

Однажды именно Каро-Канн я избрала, играя черными. Предыдущую партию я провела неудачно и решила идти от обороны. Заранее готовилась, знала, что будет сильный соперник, а проигрывать нельзя. Когда мы сделали ходов по пятнадцать, создалась позиция, про которую в учебнике пишут: «И тут соперники согласились на ничью». Мой юный противник не совершил ни одного промаха, это была моя ошибка – избрание тихого дебюта. Меня прямо колотило внутри, я даже вспотела. Что-то нужно было делать! И я придумала. Начала демонстрировать атаку с прорывом на левом фланге, но замысел был – прорыв на правом! Конечно, противник стягивал все силы на левый фланг для обороны. Но я-то просчитывала количество ходов для переброски фигур на другой фланг. И когда все завертелось после жертвы пешки, мои фигуры за несколько темпов оказались на месте, а соперник запутался в своих, и игра очень быстро закончилась моей победой. В этот день я поняла, в чем была моя ошибка: тихо сидеть и ждать все детство папу. Неправильный дебют.

Я нашла его телефон и позвонила.

– О, доча! Привет, не узнал тебя. Богатой будешь! Нет, встретиться никак. Выходные – святое время, у меня семья, сама понимаешь, а по будням я работаю. Вечерами? И вечерами занят. Я нарасхват! – и весело рассмеялся.

Он всегда был веселый. И когда жил с нами, он и правда вечерами редко бывал дома. Хотя и выходные не были тогда для него святыми. Он всем был нужен. И больше всего тогда он был нужен мне.

Время шло, мальчишки в классе и во дворе доросли до человеческих отношений, а там и школа закончилась, значит, пора бы уже встречаться, гулять допоздна, целоваться, терять голову. Но моя голова всегда была на месте. В самые сложные моменты мне представлялся папа. Он улыбался, держа меня за ноги вниз головой, и отпускал с пирса в воду – учил меня прыгать ласточкой. Я летела прямо на острые камни на дне. Вода была такой прозрачной, что они казались совсем близко. Я была уверена, что разобьюсь и умру. Я закрывала глаза и плакала прямо в воде. Но слез не было видно. Море само одна большая слеза.

***

В Ялту мы ехали на троллейбусе из Симферополя. Неспешно и вдумчиво. Решили насладиться пейзажем и погреть сознание тем, что мы не засоряем хрустальный воздух южного побережья отходами топлива. Очень смешно, учитывая, сколько машин нас обгоняло на трассе.

В салоне троллейбуса девчушка с мамой, женщина средних лет и мы с Платоном. Солирует малышка. Через минуту мы уже знаем имена всех ее кукол. Я так поняла, что плюшевый медведь без одного уха – папа всех ее маленьких пони, а мама – длинноногая Барби. Любовь зла. Про себя я окрестила медведя Пьером и с интересом наблюдаю за развитием событий в этом аристократическом семействе.

Мы с Платоном переглядываемся, соприкасаясь друг с другом – на поворотах. Почти не разговариваем, только смотрим и улыбаемся. Женщина упорно нас изучает, у нее прямо на лбу написано, что она гадает: то ли все слова между нами сказаны, то ли, наоборот, мы на той начальной стадии знакомства, когда каждый знает о своих чувствах, но не совсем уверен в другом. Я решаю держать интригу. Пусть помучается.

Жду, когда за окнами вспыхнет море. И вот оно возникло – огромное, блестящее на полуденном солнце пятно. Мы спускаемся к нему, мы его жаждем. Кажется, будто это расплавленное золото. Войти в него, как в пещеру Али-бабы, и обрести счастье. Сезам, откройся!

Девчушка поет, укладывая Пьера рядом с Барби: «Потому что, потому что – я-я-я его-о-о люблю-ю-ю!»

Солнце слепит глаза даже сквозь темные стекла очков. Но я хорошо вижу красную машину, которая несется нам навстречу на всей скорости из-за поворота. Я даже успеваю издать какой-то дикий визг на самой высокой ноте. Не знала, что я на такое способна. А Платон быстро поворачивается ко мне и обнимает меня всю собой, охватывает руками, неожиданно длинными, как крылья огромной птицы, – заслоняет от красной машины, от удара, от моего визга. Я опять на миг вижу своего улыбающегося папу, но Платон не дает ему отпустить мои ноги – он держит меня всю. Он сможет удержать. Я верю. Я знаю. И водитель вырывается!

С тех пор вся моя жизнь стала состоять из пунктиров и просветов – встреч и расставаний. Где только мы не встречались! И каждый раз все было совершенно не так, как я себе придумывала и воображала. Платон был непредсказуем. Мы ходили в горы, и он вырезал из сухих веток фигурки и читал мне стихи своего друга, неизвестного гения. Мы собирали землянику в дремучем темном лесу, который начинался прямо за околицей деревни. Он учил меня есть ее с парным молоком – корову держала его тетя, и она достойна отдельного рассказа. Мы ехали на море, и он два часа рвал мидии, а потом сжег напрочь весь свой улов, хотя уверял, что умеет их жарить на костре.

Зимой он посадил меня на спину и по колено в снегу совершил переход через заснеженное поле замерзшего водохранилища, чтобы на том берегу разжечь костер – с одной спички.

Снег оплавлялся неровным кругом и шипел, а он снял очки, чтобы протереть стекла, и взгляд его сделался непривычно трогательным, почти детским:

– А не хочешь ли ты вырастить со мной самое могучее в мире Дерево игры? У нас не будет мертвых веток, только живые! Отвечаю. И никакой зубрежки!

В свадебное путешествие мы поехали к нему в МГУ, жили в Главном здании, днем гуляли по Москве и все время попадали под ливень – каждый раз думали, что уж сегодня его не будет, а он был. Но зонт так и не купили. А ночью ходили в лабораторию, там Платон вел какой-то непрерывный круглосуточный эксперимент для диссертации, сыпал непонятными формулами, спорил с коллегами. Когда я засыпала на его плечо, шум ночных машин казался рокотом далекого моря. Его голос убаюкивал. Он рассказывал мне сказки, которые я пыталась утром записывать, но не могла – они улетучивались с рассветом, как любые тревоги ночи.

Однажды я встретила папу на улице – случайно. Живем в одном городе, а никогда не виделись – ни разу за десять лет. Я уже окончила университет и была беременна нашей первой с Платоном дочкой. Папа сказал:

– Можешь поздравить! У меня родился сын! Я стал папой!

И улыбнулся одной из своих самых щедрых улыбок. Я безмятежно улыбнулась ему в ответ:

– У тебя есть шанс стать еще и настоящим дедом!

Папа впервые в жизни посмотрел на меня внимательно и заинтересованно.

– Ты беременна? Ты замужем? Когда?

Через пять лет папин сын и моя дочь сидели за старыми папиными шахматами у нас дома. Дочка выигрывала.

Полина Пригожина

Сетка

Только Аллах знает будущее и прошлое. Только Он знает, чем обернутся дела наши и помыслы наши. И за все дела будет человек спрошен. Аллах запишет и благие, и дурные поступки. Всемиловит Аллах, но защити нас от людского суда и гнева.

Иногда как собака последняя себя чувствуешь, смотрят на тебя как на пустое место, даже хуже, как на дырку какую, а Петр Иванович не такой, он человек, это понимать надо. Всегда поговорить остановится, о семье спросит, даже руку пожмет. «Ну как, Махмуд, живешь? Как семья? Когда домой поедешь?» Сам маленький, румяный, круглый, как лепешка оби-нон. Все круглое – голова, лысина, даже щеки и уши круглые. И очки. И ноги у него полуколячками, как у наших чабанов. На внешность он не очень. Но человек хороший. Дышит только тяжело. Ему бы хлебнуть воздуха с наших горных хребтов, здесь разве можно жить? Как в пещере дышишь – здоровый заболит. Воздух должен сладким и пряным быть, душу радовать, как у нас в долине. На козьем молоке да хлебе с наших полей он бы сразу поправился. Я ему как-то привозил. Уважаемый человек, ученый. В институте преподает. Только одет плохо, нехорошо это, когда ученый человек так плохо одет.

Некому о нем позаботиться. Жена уж года три как ушла. Детей увезла. Тоскует, наверное, без детей-то. Они ж на нем, как гроздь винограда, висели. Сам видел. Любили его. А уж он с ними как занимался! Везде водил, возил. Самокат купил, коньки роликовые купил, велосипеды тоже. А сейчас смотрит, будто в ущелье заглядывает. Разве это дело? А жена у него красивая была. Я сам пятый год без семьи, но мне дома нельзя, и детей, и мать кормить надо. Но разве дело важному человеку одному жить? Умного человека почитать надо. Здесь, в Москве, умный человек ничего не значит, хитрый – значит.

Фарида, которая у них в подъезде работает, говорит, Петр Иванович раньше диссертацию писал. Только не сложилось. Он диссертацию на этой, на кафедре, кому-то почитать дал, а идеи и украли, так и не написал Петр Иванович диссертации. А потом тот, который украл, вроде приходил, да они так поговорили, что Петр Иванович потом сам же перед обидчиком и извинялся. Его обидели, а он извиняется! Фарида соседка Петра Ивановича рассказывала. Да Фарида и сама видела, как стояли они внизу, возле лифтов, и Петр Иванович вору этому все «извините» да «извините» говорил, только она тогда еще не знала, что этот, второй, вор и есть. Такой уж Петр Иванович человек, все смущается, будто женщина. Будто мыслей своих стыдится и слов стыдится. А ведь когда меня Виктория Львовна с третьего этажа в краже обвинила, не смолчал. Защищать бросился. Красный, как мак у нас в Лолазор стал, так заступался. Заикаться стал. Если бы не он, меня бы, может, и выгнали совсем.

Да только никто не знает свою судьбу.

Я на неделе после Курбан-байрама вышел посмотреть, что мне красить велели, вижу, Петр Иванович, словно мячик моей Баргигул, к дому скачет. И мороженое в руке. А ведь ему сладкого нельзя совсем, он мне сам рассказывал. «Что это вы, Петр Иванович, такой радостный?» – спрашиваю. А у них, оказывается, за день до того встреча была. Целый класс собрался. Тридцать пять лет не собирались, а тут собрались. А все интернет! Как бы я сам со своими общался, если бы не скайп и вайбер? Я ведь сейчас свою Баргигул, лепесток, почти каждый день вижу. И Анко, птичку мою. А у них староста, главная, еще в школе командовала, она-то всех и собрала. В ресторане. В дорогом. Я хорошо работаю, хорошо зарабатываю, тоже в кафе могу пойти, все могу, хорошо живу – грех жаловаться. И на хлеб хватает, и своим помогаю. Но в такой не пойду.

Давно я Петра Ивановича таким не видел. Не идет, а прыгает, вот-вот, будто воздушный шарик, от земли оторвется и лопнет от счастья. Даже страшно за него стало – так радостно человеку.

Я было хотел его об одном деле спросить, а он все про встречу рассказывает. «Был у меня, – говорит, – Махмуд, в школе друг, Гера, мы в детстве в такие игры играли, так проказничали, что сейчас даже не верится. Ты, Махмуд, и представить себе не можешь, что мы проделывали. У меня тогда даже родителей в школу вызывали. А потом мы с ним как-то потерялись, понимаешь? Было у тебя такое, что ты с друзьями расставался и давно не виделся?» Конечно, было, говорю, нас ведь, как Союз распался, по всей России разбросало. Я из нашего села давно ребят не видел. Почти все в России работают. А Петр Иванович не слушает и свое продолжает: «Я так хотел с Герой встретиться. А телефона его не было, записные книжки старые потерял, да и все как-то руки не доходили: сначала мать болела, потом женился, дети родились. Его вчера не было, но мне Тая, староста наша, только что его телефон прислала. Сейчас напишу ему, прямо не терпится».

Нагнулся над телефоном и сам себе диктует: «Герка, привет! Жаль, что тебя вчера не было, давай встретимся, пивка попьем!» Пишет и улыбается, глаза как фонарики светят. А что разошлись, если дружили, спрашиваю. «Да сейчас уж и не вспомнить. Столько лет прошло». Задумался, потом щеки в стороны разъехались, вижу, в прошлое погрузился человек и хорошо ему. Помолчал, повспоминал и говорит мечтательно: «Вроде турнир по пинг-понгу был, решалось, кто школу на городских соревнованиях представлять будет. Мы с Геркой в финал вышли. На больше-меньше минут десять резались. Знаешь, что такое „больше-меньше“, Махмуд?» И объяснять стал. Только я все равно не очень понял. Пока пытался правила разобрать, совсем запутался. Это, я так понял, когда в игре по очкам ровно выходит и только две подачи выиграть надо. А Петр Иванович дальше рассказывает: «Кажется, тогда при моей подаче сетка была. Или не было? Да! Точно! Не было сетки! И судья сказал, что не было, а Герка все не соглашался, кричал, что была и надо переигрывать. И если бы это обычная игра была, то, конечно, переиграли бы, а тут финал и сборная. А там уж выпускные, вступительные, болезнь мамы, семья, дети... Эх, так и проходит жизнь, Махмуд. Понимаешь?» Конечно, понимаю, почему не понять. Ведь сказано в Коране: «Мы пробыли день или часть дня. Лучше спроси тех, кто вел счет».

Вижу, Петр Иванович совсем расчувствовался, заблестело под очками. Тоскует человек. Давайте я вам, говорю, Петр Иванович, ручку на двери починю, она у вас вот-вот отвалится. Обрадовался. «Да, Махмуд – говорит, – пойдём ко мне. Ручку починишь, потом чайку попьем. А я тебе опять вещей отдам, ты вроде недавно говорил, что тебе есть с кем поделиться. Что многие нуждаются. А у меня столько всего за жизнь скопилось и не пользуюсь». И улыбается виновато.

Пошли к нему. Ручку прикрутить – дело простое, минут десять ушло, не больше, потом сели чай пить. Отлучился Петр Иванович на балкон варенье достать. А тут как раз его телефон на столе засветился. И случилось же такое, что я в этот момент глаза опустил. Как в горячий источник Гарм Чашма меня бросили. «Кто был подлецом, так подлецом и останется!» – горит на экране.

Вернулся Петр Иванович довольный, в одной руке банка варенья, в другой – мед. «Я тут такой мед нашел, Махмуд, ты только попробуй, какой мед! Нектар, а не мед! Мне бывшая студентка из Башкирии прислала. Помнят, значит, меня ученики. Приятно-то как! Мне, конечно, нельзя, но по такому случаю!» Тут увидел он, что эсэмэс пришла. Банки на стол поставил. «Наверное, от Геры», – говорит. Прочел, и как солнце за горизонт садится – лицо сереть стало. Под глазами тени легли. Потом вдруг побелел, губу прикусил. «Извини, говорит, Махмуд, мне ответить надо». Печатает, а сам себе под нос бормочет и не замечает: «Ты чего? Давай встретимся, поговорим». И следом: «Извини, если чем обидел! Давай встретимся, хотя бы выслу-

шай, столько лет прошло». Пальцы дрожат и в экран, как слепые щенята, тычутся. Лицо у него как у ребёнка малого стало, губы утиным клювом вытянулись. Дописал и плюхнулся на стул. Телефон на стол уронил. Тут снова – дзиньк, сообщение.

Схватил Петр Иванович телефон, прочел, что написано, и со стула сторону заваливаться начал. Я еле поддержать успел. Чувствую, у него сердце рысью понеслось, и все быстрее, быстрее скачет, сбиваться стало, потом на галоп перешло и к пропасти несется. Петр Иваныч, держись, держись, дорогой, кричу ему. А он не слышит, и уже от земли оторвался, и взлетает, и только я его за руку здесь удерживаю.

Высвободил я у него из ладони телефон. Пальцы податливые, холодные, липкие. Врачей вызвал. Приехали быстро. Забрали они Петра Ивановича с собой, а меня не взяли, нельзя, говорят. И вот сижу я у него в квартире, один, телефон у меня остался. Как облако вокруг головы моей опустилось, словно в горах на рассвете, ничего не видать. Совсем соображение потерял. Я ведь, когда Петр Иванович эсэмэс набирал, его пароль видел: 1234, совсем простой пароль. И тут шайтан меня попутал. Набрал я пароль, нашел телефон Геры, того, который эсэмэс слал, и позвонил ему. Долго не снимали. Потом слышу в трубке:

– Гера, тебе звонят. Чего не подходишь? У тебя заряжается.

– Сама просила с Витькой уроками позаниматься и сама же отвлекаешь! Ты что, посмотреть не можешь? Кто звонит? Чей номер?

– Петя Найвов написано.

– Не буду я с ним говорить. Вот прицепился. Скажи: занят.

– Занят он, не может подойти, – говорит мне женщина.

Тут я назвался, про врачей и скорую ей рассказал. Слышу, она опять к мужу обращается.

– Гер, это нерусский какой-то, Махмуд. Говорит, Петру Ивановичу плохо стало. Может, ответишь?

– Конечно, плохо, не надо было подличать. За свои дела отвечать надо! Да я тебе рассказывал. Это тот самый Петька, который, когда в десятом классе по настольному теннису соревнования были, при подаче сетку задел, не переиграл, гнида, и у меня в финале выиграл. Если бы я в сборную от школы попал тогда, меня бы, может, и в институт взяли. Мы тогда с физруком так договорились. А так вся жизнь коту под хвост. Скажи, не хочу я с ним разговаривать. Раньше надо было думать.

Передала мне женщина его слова. И трубку повесила.

***

Хоронили мы Петра Ивановича под конец августа. День выдался тяжелый, серый. Облака по стволам чуть не до земли стекают. У рябины во дворе накануне ночью от ветра ветки поломало, а клен вроде такой крепенький был, только недавно белил его, так тот совсем с корнем вырвало. У второго подъезда еще мусорку перевернуло, по всему тротуару утром пакеты летали. А к десяти дождь зарядил, сначала вроде нерешительно, а потом разогнался и льёт – не остановить.

На кладбище народу мало пришло. Конечно, кто в такую погоду в Выхино поедет. А все равно неправильно это. Ведь ученый человек, а проводить некому. Эх, жил бы он у нас в кишлаке, в школе преподавал. Все бы его уважали. Все село бы пришло. И детей бы наших учил, может, они в люди бы вышли, не пришлось бы, может, им по чужим дворам работать. Затянуло его прошлое в свою сеть. Ни за что пропал человек.

Анна, бывшая жена его, просила меня за могилкой приглядеть, денег предлагала. У нее ведь ребяташки, и некогда ей через весь город тащиться. А зачем мне деньги? Я бы и так приглядел. Только уезжаю я. Нехорошо человеку одному без семьи жить, домой возвращаюсь. Истинно говорит пророк: «Кровное родство прикреплено на Арше». Нельзя человеку от кор-

ней отрываться. А деньги что? Проживем. Я все могу, за любую работу возьмусь. Что-нибудь придумаю. Аллах не оставит.

А за могилкой Фариды посмотрит. Она уж обещала.

Андрей Гагарин

Жизнигра

Хлесткий порыв ветра задул свечу, покати́л пестрые пасхальные яйца, сдул карамельки, повалил банку с гвоздиками и звякнул ею об оградку. Пожилой мужчина с вздыбленной седой шевелюрой, чертыхаясь, наклонился за банкой, но поймать не успел и упал на колени. Почти ползком дотянулся до нее, с кряхтением разогнулся, опираясь на мрамор памятника, поставил на прежнее место, взял лопатку и стал рыть небольшую яму.

– Вот ведь ветродуй! Конец апреля, а холодно, как в марте месяце!

Вырыв углубление, он погрузил туда треснувшую банку, долил воды из пластиковой бутылки из-под колы, собрал разметанные гвоздики и опустил в воду. У двух цветков обломилась бутонья. Причитая, дед сгреб конфеты и крашеные яйца в небольшую горку, укрепил землей. Потом стал отряхивать от грязи брюки и полинявший плащ. Полез в карман, достал зажигалку, поднял с земли лампадку с потухшей свечкой и, держа ее левой рукой отверстием вниз, часто зачиркал. Обжегся.

– Что за наболесь! Все из рук валится, не мой день, Вера, не мой...

Когда свеча загорелась, он аккуратно поставил лампадку за горкой с конфетами, с подветренной стороны. Собрал лопатку, бутылку с остатками воды, садовые грабельки в полинявшую холщовую сумку. Достал оттуда початую бутылку «Столичной» с пробкой из газеты, граненый стаканчик, налил. Помолчал. Перекрестился, выпил залпом. Отломил кусок кулича, заел.

– Вот так у нас вся жизнь, Вера. Как ты ушла – все наперекосяк. Не думал я, что так будет, не гадал. Прости меня, родная...

Он быстро захмелел. По щекам его катились слезы, он утирал их грязными руками, вытирал руки о плащ, снова тер глаза. Взъерошенный воробышек сел на оградку могилы, завертел головой. Дед молча покрошил остатки кулича у основания плиты.

Когда все началось? Лоб жалил весенний дождик... Прошлым летом? Или в сентябре? Да, вскоре после твоего дня рождения, когда я у тебя был в последний раз. И как раз два года исполнилось, как я к Андрюше переехал. Тяжело мне одному уже, Вер. Думал сдать нашу двушку в Орехово – все прибавка к пенсии. Андрей, ты знаешь, хорошо зарабатывал, а вдруг что! Сейчас вон работу можно потерять в миг, а потом год, а то и два куковать. Не то что в наше время – на каждом заборе объявления: «Требуется, требуется, требуется...». Да и, если честно, Вера, ты уж прости, надеялся, найду женщину, вдову или разведенную, чтобы дети уже взрослые, чтобы помогать друг другу, в больничке навестить. А в больничках я, Вер, за год уже шесть раз лежал – здоровье ни к черту.

Ну вот. Андрей квартиру сдать не разрешил. Загадят, говорит, ремонт дороже выйдет, я, мол, достаточно зарабатываю, обойдемся. Ключи забрал. Ну, точно, думаю, баб водит! Бизнес-то у него пошел хорошо. Да только не понимаю я такой бизнес: в игры с людьми играют на работе, да еще в рабочее время! Когда это такое было видано, чтобы в рабочее время в игры какие-то играть? Непотребство сплошное. Говорит, развивать персонал, вырабатывать у них командный дух и мотивацию. Ёшкин-матрёшкин! У нас бывало мастер как вставит по первое число – вот тебе и мотивация, вертишься словно бобик, план даешь. Или премии лишат. Хочешь не хочешь – забегаешь. А они – игры какие-то. Дети малые!

Олежек к нам переехал, ты знаешь, еще зимой прошлой. Маялась Клавдия с его матерью, маялась, да так и не вылечила. Им, говорят, психическим, на роду написано долго не жить. Клавдия сказывала, что ее в больнице по три-четыре месяца держали, и все одно: не доглядели – сама себя лишила, прости Господи! Сколько ж она Андрюшиной крови попила! Права ты была: инопланетянка, она и есть инопланетянка, сразу было видно. Не дай бог еще парню

по наследству что-нибудь оставила! Ну да прости, Господи, ее грешную, пусть земля ей будет пухом!

Приехал к нам, значит, словно ежик твой. Слова лишнего из него не вытянешь. Сядем завтракать – молчит, в одну точку уставится, в глаза никогда не смотрит. Все равно что мать его. Представляешь, он колу эту хлещет ведрами! Даже щи и суп запивает колой! Мать с бабкой ему там не давали, вот он в Москве и дорвался! Ты бы не одобрила тоже, я знаю. В школе учился хреново – одни тройки. Отца вызывали, говорят, прогуливает. Всю ночь напролет сидит в свои игры на компьютере играет до пяти утра! Ну как потом учиться-то – на сон два часа остается! Андрей и так и сяк с ним, и кричал, и подарками его задаривал – все одно, не хочет парень учиться. Леня вперед него родилась. Я, грешным делом, думал даже: психический.

«31 августа

С мая не писал. Ну все – лету пипец. Завтра опять в эту долбаную школу. В Норильске тоже долбаная, но к тем ушлепкам я хоть привык. Палыч летом повез меня в эту дебильную Испанию. Я думал, мы вдвоем будем. Поехали втроем – с «тетей Светой». Серьезный баг. Жара, пот, целлюлитная Светина попа, шире Пиренейского полуострова, бифштексы из мяса быков, убитых на корриде (Средневековье! А еще говорят, что компьютерные игры жестокие, для подростков вредные!), завывания под тэгом «фламенко», дебильный тети-Светин смех – итог двух недель каникул. Найс. Хоть WiFi в доме был нормальный, с Едилом пообщались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.